

Жс 16801

НАША ЗАДАЧА

СОДЕРЖАНІЕ:

† П. Б. Аксельродъ. Историческій смыслъ интернаціональнаго чествованія памяти Бебеля.
П. Маслевъ. Забастовка матерей.
Раф. Григорьевъ. Опять мужики.
И. Гарси. Лѣтопись рабочаго движенія.

СРЕДИ ЖУРНАЛОВЪ.

Л. Сѣдевъ. 1. Народники противъ капитализма. 2. Г. Рыначевъ за капитализмъ.
К. Леячевъ. Задачи социалдемократической фракціи въ области страхованія рабочихъ.
Раф. Григорьевъ. На грани двухъ міровъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБЗРѢНІЕ.

А. Мартыновъ. Политическій кризисъ во Франціи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЗРѢНІЕ.

И. Череванинъ. О закончившейся сессіи Думы.

ОТКЛИКЪ.

1. Къ Учительскому съѣзду. 2. Культурно-просвѣтительная дѣятельность кооперативовъ. 3. За кулисами реакціи.

Библиографія.

Списокъ книгъ полученныхъ для отзыва и пожертвованій.

Объявленія.

№. 12.

Спб. 1913.

Ц. 30.

IV-й годъ изданія.

ЖИШЛЗЛРЯ

Ежемѣсячный журналъ

№ 12.

С.-Петербургъ, 1913 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Коммерческая Типографія“ Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.

1913.

Историческій смыслъ интернаціональнаго чествованія памяти Бебеля¹⁾.

Одинъ изъ наиболѣе передовыхъ и талантливыхъ представителей русской рабочей интеллигенціи, въ своемъ горячемъ откликѣ на смерть Бебеля, подчеркнул, что „никто и никогда не былъ мнѣ такъ близокъ“, какъ этотъ вождь германской и международной социальдемократіи²⁾. Такую же, своего рода интимную, близость къ нему чувствовали и *широкія массы* социальдемократическаго пролетаріата въ Германіи и, въ значительной мѣрѣ, и въ другихъ странахъ Запада. Это отмѣчала и подчеркивала какъ социалистическая, такъ и буржуазная пресса, указывая на то, что ни Марксъ и Энгельсъ, ни Лассаль и Либкнехтъ не пользовались такой глубокой любовью, такой горячей, можно сказать, нѣжной привязанностью этихъ массъ, какъ Бебель. Объясняютъ это совершенно справедливо тѣмъ, что, соединяя въ себѣ необычайно рѣдкія качества ума и характера, онъ въ тоже время былъ пролетарскаго происхожденія. Но при этомъ одни игнорируютъ, а другіе недостаточно учитываютъ вліяніе на отношеніе къ нему рабочихъ другого, не менѣе, если еще не болѣе, существеннаго момента. Я имѣю въ виду то обстоятельство, что онъ не только по своему социальному происхожденію, но и по своему духовному и политическому развитію былъ „сыномъ народа“, кровнымъ дѣтищемъ пролетаріата, *сознательной исторической активности* котораго онъ самымъ непосредственнымъ образомъ обязанъ былъ развитіемъ своихъ творческихъ силъ и своей политической ролю.

Безъ должнаго вниманія къ исторически *активной* роли рабочихъ массъ въ духовномъ развитіи и судьбѣ Бебеля, ихъ „безграничная любовь“ и „безусловное довѣріе“ къ нему представляются въ одностороннемъ свѣтѣ. Кромѣ того, изъ поля зрѣнія улетучивается и реальный историческій смыслъ того факта, что на кончину его вмѣстѣ съ миллионами пролетаріевъ почти единодушно откликнулись и „безчисленные политическіе противники его, съ буржуазной прессой во главѣ“, какъ на огромную утрату для всего человѣчества. А между тѣмъ оставить въ тѣни, не освѣтить надлежащимъ образомъ внутренній смыслъ и значеніе этого знаменательнаго факта—было бы упущеніемъ со стороны социальдемократіи.

¹⁾ Прим. отъ ред.: Статья эта первоначально предназначалась для № „Нов. Раб. Газеты“, посвященнаго памяти Бебеля, но, по независящимъ обстоятельствамъ, опоздала

²⁾ Въ № 6 „Н. Р. Газ.“,

Марксъ, Энгельсъ, Лассаль и Либкнехтъ вступили въ ряды борющихся рабочихъ, въ качествѣ пришельцевъ изъ идеологической среды, высоко стоявшей даже надъ пролетарскими передовыми элементами, не только въ силу своей принадлежности къ высшимъ классамъ, но и по своему высокому образованію и теоретическому развитію. А первые три выходца изъ этой среды выдѣлялись и въ ней съ самаго начала гениальными дарованіями, глубиной и размахомъ своей теоретической мысли и радикализмомъ своихъ политическихъ воззрѣній. Къ рабочему движенію они применили практически всецѣло, имѣя уже готовое, въ основныхъ чертахъ выработанное мировоззрѣніе, вооруженные широкимъ образованіемъ и „знаніями своего вѣка“, пріобрѣтёнными ими въ буржуазной средѣ, при помощи тѣхъ культурныхъ, образовательныхъ и научныхъ средствъ и учрежденій, которыми обладала эта среда. Не только по своимъ кровнымъ связямъ, по своему происхожденію, но и духовно и культурно они были дѣтьми буржуазіи, умственно и политически развившимися въ атмосферѣ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ освободительнаго движенія ея передовыхъ элементовъ. И если вслѣдствіе всего этого они для пролетаріата представляли собою людей, хотя и одушевленныхъ благородными, великодушными желаніями, стремленіями и цѣлями по отношенію къ нему, но все же и воспитанными въ чужой средѣ, то въ силу ихъ безмѣрнаго превосходства, даже надъ передовыми рабочими своимъ творческимъ развитіемъ и образованіемъ, они, уже въ самомъ началѣ своей исторической карьеры, при первомъ вступленіи въ лагерь этихъ рабочихъ должны были являться для нихъ высоко авторитетными личностями, на которыхъ приходится смотрѣть снизу вверхъ. Но не посредственно практическое живое общеніе ихъ съ пролетаріатомъ, начавшееся въ дѣтскомъ, или точнѣе, зародышевомъ періодѣ его классоваго движенія въ Германіи, прекратилось на многіе годы послѣ того, какъ восторжествовавшая въ 1849 г. контръ-революція придушила континентальное рабочее движеніе болѣе, чѣмъ на цѣлый десятокъ лѣтъ. Въ эти годы не только ихъ частная жизнь, но и ихъ работа на пользу рабочаго класса протекала вдали отъ него, внѣ атмосферы его освободительнаго движенія (за исключеніемъ развѣ отчасти англійскаго). Поэтому, когда оно въ 60-хъ годахъ снова начало оживать, даже передовымъ рабочимъ, явившимся его инициаторами и носителями, сами имена Маркса и Энгельса сначала совершенно не были извѣстны. А Лассаль, появившійся на зарѣ современнаго рабочаго движенія, какъ блестящій метеоръ, игралъ въ немъ скорѣе роль не то посторонняго благодѣтельнаго героя-спасителя по отношенію къ рабочимъ массамъ, не то главы и основателя секты слѣпо вѣрующихъ, чѣмъ роль пролетарскаго вождя въ современномъ смыслѣ. Либкнехтъ же, дѣйствовавшій непосредственно въ рядахъ пролетарской арміи непрерывно въ теченіе почти 40 лѣтъ, сталъ въ концѣ концовъ, если и не въ той мѣрѣ, какъ Бебель, то все же достаточно „близокъ“ рабочимъ и при томъ не только ихъ избраннымъ представителямъ, но и широкимъ социальдемократическимъ массамъ.

Въ противоположность этимъ знаменитымъ родоначальникамъ социальдемократіи, Бебель былъ самъ, въ непосредственномъ субъ-

активномъ смыслѣ, продуктомъ современнаго рабочаго движенія; онъ, конечно, имѣеть вполнѣ заслуженное право, вслѣдъ за ними, на званіе одного изъ отцовъ этого движенія. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прежде всего — самъ его дѣтище. Подъ его непосредственнымъ вліяніемъ и въ его атмосферѣ онъ началъ жить сознательной трудовой жизнью, интересоваться общественными вопросами и стремиться къ активному участию въ ихъ разрѣшеніи. Вступленіе Бебеля въ періодъ своей сознательной жизни началось одновременно съ пробужденіемъ въ германскомъ пролетаріатѣ стремленія стать соціально-политически на собственные ноги и начать жить самостоятельной исторической жизнью. Живя и умственно развиваясь въ рабочей средѣ, воодушевляемый стремленіемъ къ самообразованію и къ борьбѣ за экономическое и политическое освобожденіе своего класса, онъ въ одно и то же время испытывалъ на себѣ непосредственно возбуждающее вліяніе этой среды, и самъ скоро началъ вліять на нее. Онъ не пришель къ рабочимъ, какъ посторонняя имъ импонирующая, авторитетная личность, а духовно и умственно росъ и развивался среди нихъ же, пользуясь тѣми же культурными и образовательными средствами и учреждениями, которыя и имѣ, по крайней мѣрѣ въ городскихъ и промышленныхъ центрахъ, доступны были и которыми пользовались ихъ болѣе активные и любознательные элементы. Много усилій и энергіи приходилось этимъ элементамъ затрачивать для того, чтобы возможно лучше использовать наличныя и создать новыя средства и учреждения для своего собственного умственнаго и политическаго развитія и поднятія его у болѣе отсталыхъ слоевъ своего класса. Въ этой коллективной исторической работѣ передовыхъ рабочихъ Бебель самымъ активнымъ образомъ участвовалъ, какъ равный съ равными, постепенно прибрѣтая вліятельную и руководящую роль среди нихъ, благодаря своимъ дарованіямъ, неутомимой энергіи и необычайно боевому темпераменту. Но онъ прибрѣталъ эту роль и становился все болѣе виднымъ политическимъ дѣятелемъ, по мѣрѣ того, какъ развивалась самостоятельность, росла и расширялась сознательная организующая самостоятельность его класса, по мѣрѣ того, какъ этотъ послѣдній поднимался изъ состоянія историческаго небытія на высоту передовой, *сознательной* активной революціонной исторической силы. Необычайная активность Бебеля была высшимъ проявленіемъ сознательной исторической активности самой пролетарской среды, къ которой онъ принадлежалъ, и вмѣстѣ съ культурнымъ подъемомъ и политическимъ ростомъ этой среды, росло и его собственное политическое значеніе.

Вслѣдствіе всего этого, какъ ни выдѣлялся *Бебель* даже среди руководящихъ элементовъ пролетаріата своими необыкновенными способностями, образованіемъ, энергіей и инициативой, какъ ни высоко поднимался онъ на общественной аренѣ въ роли „генерала“, стоящаго во главѣ прогрессивно возростающей классовою арміи рабочихъ массъ, офицера и рядовые этой арміи не переставали относиться къ нему, какъ къ своему близкому товарищу Августу. Вѣдь вмѣстѣ съ своимъ вождемъ росли культурно, умственно и политически и рабочія массы, завоевывая все болѣе и болѣе видное мѣсто на авансценѣ исторіи и для себя, и для него. Поэтому, когда Бебель прибрѣлъ всемірное

значение и всемирную славу, старая, первоначальная близость его къ соціальной средѣ, въ которой онъ не только родился, но и духовно воспитался и созрѣлъ, ничуть не уменьшилась; старая товарищеская привязанность къ нему соціалистическихъ рабочихъ только осложнилась чувствомъ благоговѣйнаго уваженія къ его личности и „безграничной любовью“ и безусловнымъ довѣріемъ къ нему, какъ къ испытанному вождю.

Но если такова историческая и психологическая подкладка исключительнаго отношенія широкихъ пролетарскихъ массъ къ Бебелю, то они говорятъ не только въ его пользу, но и въ пользу этихъ массъ; ихъ исключительныя симпатіи къ *этому* вождю свидѣтельствуютъ не только объ его великихъ заслугахъ передъ рабочимъ классомъ, но и указываютъ на высокій уровень развитія и этого класса. „Скажи мнѣ, кто твой другъ, и я скажу, что ты самъ за человѣкъ“. Съ гораздо большимъ основаніемъ можно судить о культурномъ и политическомъ развитіи цѣлаго народа, а въ особенности соціальныхъ низовъ его по тому, на какомъ уровнѣ культурнаго и духовнаго развитія стоятъ и какое мѣсто на общественной аренѣ занимаютъ ихъ наиболѣе любимые вожди или герои. Моральныя достоинства вождя, интеллектуальная высота, на которую онъ поднялся и общественное значеніе, приобретенное имъ, являются, въ большей или меньшей мѣрѣ, показателемъ и масштабомъ для оцѣнки культурнаго уровня, политической сознательности и исторической роли того класса или общественнаго слоя, который онъ представляетъ и который чувствуетъ себя психологически и идейно особенно близкимъ съ нимъ.—Но именно этотъ моментъ обошла молчаніемъ буржуазная пресса, отозвавшаяся на смерть Бебеля выраженіемъ своего глубокаго уваженія къ его личности и открытымъ признаніемъ его огромнаго значенія, какъ замѣчательнаго политическаго дѣятеля.

Такіе всемирно извѣстные органы англійской буржуазной печати, какъ „Daily Telegraph“ и „Times“ писали по случаю его кончины, что въ его лицѣ міръ лишился „одного изъ замѣчательныхъ людей нашего времени“, и характеризовали его какъ „великаго генерала въ парламентской борьбѣ“, какъ первокласнаго организатора массъ и рѣдкаго тактика. А въ нѣкоторыхъ органахъ нѣмецкой буржуазной прессы звучали нотки, выражавшія почти такую же искреннюю скорбь и такія же чувства глубокаго уваженія къ пролетарскому вождю и его дѣятельности, какія выражала соціалистическая печать. Такъ, напримѣръ, „Нѣмецкая Понедѣльничная Газета“ откликнулась на смерть Бебеля статьей подъ весьма характернымъ и выразительнымъ заглавіемъ: „Намъ недостаетъ такого вождя, какъ Бебель“ („Uns fehlt ein August Bèbel“), въ которой съ горечью и завистью указывается и подчеркивается тотъ фактъ, что среди политическихъ вождей германской буржуазіи „ни одного, равнаго этому великану (seines Riesenmasses). Статья начинается *) словами: „Этого покойника, съ сѣдыми волосами оплакиваютъ не только тѣ четыре милліона, впереди которыхъ онъ несъ крас-

*) Я цитирую по перепечаткѣ въ швейцарской соціально-демократической газетѣ „Цюрихское Народное Право“.

ное знамя“, и заканчивается обращением къ усопшему. „Сяди борець, возьми съ собой въ свой цюрихскій гробъ и наши слезы: о тебѣ плачутъ и тѣ, которые не шли за твоимъ знаменемъ“. — Другой органъ свободомыслящей германской буржуазіи, „Берлинская Народная Газета“, съ особымъ удареньемъ отмѣтилъ и подчеркнул, что покойный отдалъ „всю свою, полную борьбы и жертвъ жизнь всему нѣмецкому народу, что именно любовь къ этому послѣднему и „жгучее исканіе помочь ему и улучшить его положеніе“ были „источникомъ его дѣятельности“. И на этомъ основаніи названный органъ заявлялъ, что „весь нѣмецкій народъ имѣетъ право“ (darf) раздѣлять съ социаль-демократіей ея печаль по случаю смерти ея вождя.

Но тѣ же органы буржуазной прессы, которые въ такомъ тонѣ откликнулись на это событіе, насколько мнѣ извѣстно, не пытались и на выстрѣлъ подойти къ тѣмъ вопросамъ, которые, въ непосредственной связи съ огромнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ имъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, сами собой напрашиваются. Они жалуются, что ни одна буржуазная партія въ Германіи не выдвинула изъ своей среды вождя, котораго можно было бы поставить рядомъ съ Бебелемъ. Отчего же именно у пролетаріата оказался вождь такихъ „исполинскихъ размѣровъ“? Чѣмъ объяснить, что ни одинъ изъ вождей буржуазіи не приобрѣлъ такой солидной симпатіи и такого уваженія „всего нѣмецкаго народа“, въ роли борца за „улучшеніе его положенія“? И почему именно смерть самаго любимаго и популярнаго вождя социалистическаго пролетаріата вызвала ощущеніе огромной, незамѣнимой утраты для всего человѣчества не только въ „милліонахъ его партійныхъ товарищей“, но и въ разныхъ кругахъ его политическихъ противниковъ?

Добросовѣстный отвѣтъ на эти вопросы сводится прежде всего къ тому, что современные интересы, стремленія и домогательства буржуазіи настолько враждебны интересамъ и требованіямъ общечеловѣческаго прогресса вообще и свободѣ и благосостоянію „всего нѣмецкаго народа“ въ частности, что она никоимъ образомъ не могла идти за вождемъ, который со страстью и неутомимостью Бебеля боролся бы за „улучшеніе положенія всего народа“. Именно поэтому она не способна выдвинуть на историческую арену вождей такой высокой пробы, какъ рабочія массы въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ онѣ достигли высокаго культурнаго развитія и большой политической самостоятельности. По Сенькѣ и шапка. Буржуазія имѣетъ такихъ вождей, какихъ она заслуживаетъ. Вождь же Бебелевскаго масштаба былъ бы ей не по плечу. И если у германскаго пролетаріата оказался такой вождь и при томъ пользовавшійся его „безграничною любовью“, то, очевидно, потому что онъ достаточно выросъ для этого духовно и политически. А потому то отношеніе къ личности и дѣятельности Бебеля, которое проявилъ по случаю его кончины, какъ широкія рабочія массы въ передовыхъ странахъ, такъ и „безчисленные политическіе противники его съ буржуазной прессой во главѣ“, объективно указываютъ и на первостепенную культуру и политическую роль, которую социалистическій пролетаріатъ играетъ на міровой исторической сценѣ.

Но открытое признаніе всего этого буржуазными идеологами равносильно было бы моральной капитуляціи буржуазіи передъ арміей враговъ буржуазнаго строя. Поэтому, буржуазная пресса, воздавая должную дань уваженія усопшему любимому вождю рабочихъ массъ и искренно превознося его рѣдкія личныя достоинства, о роли этихъ самихъ массъ въ его счастливой судьбѣ, сознательно или бессознательно, совершенно умалчиваетъ. Когда органы этой прессы отмѣчаютъ исключительную привязанность социалистическихъ рабочихъ къ Бебелю, она принимаетъ у нихъ характеръ отношенія „толпы“ къ герою, за которымъ она слѣпо идетъ, или арміи вѣрующихъ къ великому пророку, готовыхъ по первому зову его идти на смерть. Социалистическая армія пролетариата, сознательно борющаяся за освобожденіе пролетариата и всего человѣчества отъ капиталистическаго варварства, превращается въ буржуазныхъ некрологахъ объ ея вождѣ въ мало—или совсѣмъ бессознательную массу, сердцами которой ея искусный вождь, какъ высшее „воплощеніе“ сознательности сьумѣлъ до такой степени овладѣть, что она готова была во всякую минуту идти за нимъ въ огонь.

Подъ этимъ угломъ зрѣнія величественная международная траурная манифестація по случаю смерти Бебеля лишается того историческаго значенія, которое она, въ дѣйствительности, имѣетъ. Все ея значеніе и весь ея смыслъ сводятся тогда къ тому, что въ ней ярко проявилось отношеніе разныхъ слоевъ населенія къ нему лично, какъ къ великому человѣку, пріобрѣвшему всемірную славу и извѣстность. Исторія даетъ намъ и другіе примѣры, если не точно такого, то подобнаго же всеобщаго признанія заслугъ и дарованій прославившихся выходцевъ изъ народа. У насъ, въ Россіи, большая слава и такое всеобщее признаніе крупнаго общественнаго значенія достались на долю напимѣръ Ломоносову, гениальному актеру Щепкину и великому малороссійскому поэту Шевченко, а въ новѣйшее время Горькому, также „сыну народа“. Но Ломоносовъ сталъ творцомъ и родоначальникомъ русской науки и литературы, Щепкинъ великимъ мастеромъ сценическаго искусства, Шевченко великимъ поэтомъ, не вслѣдствіе и не въ атмосферѣ культурнаго и освободительнаго движенія крестьянства, изъ среды котораго они вышли, а не смотря на отсутствіе въ немъ въ ихъ время болѣе или менѣе сознательнаго прогрессивнаго движенія, если не считать за таковое стихійныя возмущенія его противъ невыносимаго гнета государственнаго и помѣщичьяго крѣпостничества. Они были духовными дѣтьми не социальныхъ низовъ, изъ которыхъ они вышли, а высшихъ, привилегированныхъ сословій, по скольку эти послѣднія являлись тогда у насъ очагами и сознательно—активными носителями потребностей культурнаго, умственного и социальнаго—политическаго прогресса. Тоже самое приходится сказать и о Горькомъ, хотя развитіе и разцвѣтъ его огромнаго поэтическаго дарованія совпали уже съ началомъ эпохи пробужденія русскаго пролетариата къ исторической активности. Развитіемъ своихъ творческихъ силъ и своей славой, всѣ эти гениальные дѣти народа обязаны—помимо такъ называемыхъ случайныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ индивидуальнаго и мѣстнаго характера—поступательному движенію и социальной само-

дѣятельности не кровно родной имъ, а чужой соціальной среды. А разъ эксплуатируемыя и угнетенныя народныя массы не участвовали въ качествѣ передовой культурной и политической силы ни въ развитіи творческихъ силъ и опредѣленіи характера и содержанія дѣятельности названныхъ классиковъ русской литературы и искусства, ни въ приобѣтении ими того высокаго положенія, которое они занимаютъ въ исторіи этой литературы и этого искусства, онѣ и не могутъ претендовать, если можно такъ выразиться, на долю въ той славѣ и томъ уваженіи, которыми пользуются ихъ имена. Общепризнанное первостепенное общественное значеніе этихъ высоко даровитыхъ сыновъ народа не служило и не могло служить показателемъ уровня развитія и исторической роли тѣхъ социальныхъ низовъ, изъ которыхъ они вышли. Наоборотъ, чѣмъ дальше они подвигались впередъ въ своемъ культурномъ и умственномъ развитіи, чѣмъ выше они поднимались на общественной аренѣ служенія дѣлу культурнаго и духовнаго развитія родины, тѣмъ больше они удалялись отъ этихъ низовъ, такъ что въ концѣ концовъ они оказались отдѣленными отъ своей родной соціальной среды культурной, духовной и идейной пропастью.

Правда, по отношенію къ Горькому это указаніе требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ и ограниченій. Его произведенія читаются въ широкихъ кругахъ рабочихъ, большинство которыхъ такъ же думаетъ и чувствуетъ, какъ ихъ соціалъдемократическіе братья на Западѣ. О существованіи культурной и духовной пропасти между Горькимъ и рабочими кругами, съ увлеченіемъ читающими его произведенія, не можетъ быть и рѣчи. Но вѣдь и Толстой и Чеховъ и Короленко также имѣютъ сравнительно широкій кругъ читателей въ народной средѣ*). И между этими нашими художниками слова и ихъ читателями нѣтъ, конечно, такой пропасти, кака въ прежнія времена лежала между интеллигенціей вообще и народными массами. Но это—проявленіе и результатъ процесса демократизаціи культуры, начавшагося и *до недавняго времени* совершавшагося по инициативѣ и путемъ сознательныхъ организованныхъ усилій идеологическихъ элементовъ, принадлежавшихъ, главнымъ образомъ, къ непролетарскимъ общественнымъ слоямъ. Какъ бы то ни было, своей творческой дѣятельностью и своимъ мѣстомъ на литературномъ Олимпѣ и Горькій, подобно другимъ нашимъ первокласснымъ писателямъ, не связанъ органически съ классовымъ движеніемъ русскаго пролетариата, а потому и отношеніе къ нему читающей публики точно такъ же, какъ къ нимъ, не можетъ служить даже косвеннымъ показателемъ исторической роли и значенія рабочаго класса.

Весьма естественно поэтому, что при характеристикѣ и оцѣнкѣ личности и дѣятельности даровитыхъ выходцевъ изъ народной массы, приобрѣвшихъ историческое значеніе независимо отъ этихъ массъ, послѣднія играютъ лишь роль своего рода исторической подпочвы, въ которой ищутъ психологическихъ корней тѣхъ или другихъ особенностей въ творествѣ этихъ сыновъ народа.

*) Да и классики болѣе ранней эпохи читаются теперь въ этой средѣ. Я уже не говорю о Шевченко, ставшемъ на своей родинѣ народнымъ поэтомъ.

Въ примѣненіи къ роли пролетаріата въ жизни и дѣятельности Бебеля, такая точка зрѣнія логически исключается взаимоотношеніями между нимъ, какъ между вождемъ, и тѣми, кто за нимъ идетъ. Низвести участіе рабочихъ массъ въ его исторической карьерѣ до нуля невозможно уже потому, что эта послѣдняя неотдѣлима отъ его дѣятельности, въ роли ихъ вождя и слѣдовательно отъ ихъ собственной активности, если бы она даже проявлялась только въ томъ, что онѣ слѣпо шли за нимъ, какъ въ давнія старыя времена темныя, невѣжественныя народныя массы шли за своими пророками или полубогородными вождями. Но, въ дѣйствительности, взаимоотношенія между социалистическими слоями рабочихъ и самыми крупными вождями, какъ небо отъ земли, далеки отъ тѣхъ, которые существовали между такими массами и ихъ вождями, въ чудотворную силу или могущество которыхъ онѣ увѣровали.

Для того, чтобы пролетарій, объявившій себя непримиримымъ врагомъ всего буржуазнаго общества и находящійся въ непрерывной борьбѣ съ нимъ, въ ходѣ этой самой войны сталъ общепризнаннымъ „великимъ генераломъ въ парламентской борьбѣ“ и перворазряднымъ политическимъ дѣятелемъ, къ словамъ и дѣйствіямъ котораго прислушивается весь цивилизованный міръ, отнюдь недостаточно обладаніе одними дарованіями, боевымъ темпераментомъ и неутомимой энергіей. Для этого необходима еще наличность, за спиной вождя, большой, хорошо организованной постоянной политической арміи этихъ массъ, съ многочисленнымъ штабомъ теоретически развитыхъ и политически опытныхъ руководителей во главѣ, арміи, сознательно и планомерно стремящейся къ завоеванію для своего класса политической и культурной гегемоніи надъ міромъ, въ интересахъ освобожденія всего человѣчества отъ всякаго рабства и угнетенія. На такую внѣпарламентскую армію и опирался Бебель. И не только опирался на нее, не только былъ ею постоянно поддерживаемъ, но и получалъ отъ нея опредѣленныя директивы, боролся вмѣстѣ съ ней и во главѣ ея за ея же собственные требованія, вмѣстѣ съ ней преслѣдовалъ задачи и цѣли, которыя она же сама ставила на очередь дня. Эта пролетарская армія есть продуктъ, довольно продолжительнаго періода все болѣе и болѣе расширявшейся и разнообразныя сферы общественной жизни охватывавшей самодеятельности германскаго пролетаріата—сначала въ лицѣ малочисленнаго круга избранныхъ единицъ, потомъ, все болѣе и болѣе значительнаго слоя рабочей интеллигенціи, а затѣмъ и широкихъ рабочихъ массъ—для поднятія себя на все болѣе и болѣе высокія ступени культурнаго и политическаго развитія и для прочнаго завоеванія возможно лучшихъ условій существованія еще на почвѣ капитализма. Въ теченіе этого періода все болѣе и болѣе широкія рабочія массы пробуждались отъ историческаго прозябанія, выступали на арену сознательной организованной борьбы, освобождаясь отъ духовной и политической опеки идеологовъ и партій эксплуататорскихъ классовъ; все болѣе и болѣе широкіе слои пролетаріата знакомились, на аренѣ этой борьбы, изъ своего коллективнаго опыта и постоянныхъ столкновеній съ организованными силами господствующихъ классовъ, съ природой и характеромъ органовъ общественнаго самоуправленія и государ-

ственной власти, научались контролировать эти органы и оказывать на них влияние в благоприятном для пролетариата смысле. Но в тоже время эти рабочие массы приобретали и развивали в себе навыки внутреннего самоуправления, умение управлять своими собственными культурными и образовательными учреждениями и своими экономическими и политическими организациями. И по мере того, как подвигался вперед этот исторический процесс классового самоопределения и классовой самоорганизации пролетариата, широкие рабочие массы становились все больше и больше на собственных ногах, все больше самостоятельны и по отношению к самым авторитетным и любимым вождям и опережали своих эксплуататоров прогрессивным характером своих очередных требований, стремлением к общечеловеческому благосостоянию и свободе и живым сочувствием борьбы за эту свободу и это благосостояние—где бы она ни происходила.

Так создавалась, в лице германской и международной социалдемократии, та политическая армия, которая является силой передовой и самой последовательной носительницей и поборницей общечеловеческого прогресса и которая именно поэтому могла своему вождю доставить роль „великого генерала“ на мировой арене социально политической борьбы. Передовой, не в смысле стихийной силы, безсознательно носящей в себе революционные потребности и тенденции, сознательными выразителями которых являются *немногие руководители*: нет, не только в лице своих вождей, но и массы своих рядовых членов, армия эта является сознательным носителем революционных интересов, потребностей и объективных тенденций классового пролетарского движения, центром и авангардом которого она служит.

Не только ее генеральный штаб, но и „нижние чины“ и даже ее рядовые „солдаты“ проникнуты сознательным стремлением служить делу освобождения всего человечества от всех видов рабства и пониманием условий и путей борьбы за осуществление этого стремления. Эта духовная и идейная солидарность между вождями и социалистическими рабочими массами имеет свои глубокие корни в общей школе политического воспитания—первых и вторых, в однородности условий и общих путях и средствах их культурного развития и самообразования. Великая партийно-политическая армия, созданная великими коллективными усилиями тысяч, десятков и сотен тысяч сознательных пролетариев, выдвинула из своей среды и вожди исполнина, соответственно задачам и высокому уровню развития масс, составляющих ее. А потому колоссальное по силе и распространению впечатлительное, произведенное смертью Бебеля в цивилизованном мире и единодушные отклики на нее со стороны различных общественных слоев чуть не во всех культурных странах, являются отражением современной всемирно-исторической роли и значения международного социалистического пролетариата вообще, и его авангарда—германской социалдемократии—в особенности. И если буржуазная пресса Германии с завистью и глубоким огорчением указывает на то, что вожди буржуазии являются чуть не пигмеями рядом с усопшим вождем социалдемократии,—то это равносильно косвенному, хотя и невольному, признанию с ее стороны

огромнаго превосходства классовой политической арміи пролетаріата, какъ авангарда человѣчества, на пути его прогрессивнаго движенія, надъ буржуазными партіями, безпомощно путающимися въ противорѣчяхъ капиталистическаго прогресса.

Органы этой прессы, естественно, стараются затушевать внутренній историческій смыслъ явленія, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Они объясняютъ присоединеніе „безчисленныхъ политическихъ противниковъ“ социальдемократіи къ ея скорьби о кончинѣ своего великаго вождя исключительно всеобщимъ преклоненіемъ передъ „личнымъ характеромъ“ Бебеля и его личнымъ безкорыстнымъ служеніемъ „всему народу“. Но они умалчиваютъ при этомъ, что признаваемыя теперь всѣми его индивидуальныя качества и заслуги передъ всѣмъ германскимъ народомъ далеко не были бы такъ оцѣнены противниками социальдемократіи и, сами по себѣ, рѣшительно не могли бы поставить его на высоту общепризнаннаго великаго „генерала“ на политической аренѣ, еслибы за нимъ не стояла великая пролетарская армія—великая не только численно, но и по своему всемірному съ нимъ служенію народу и достигнутому ею всемірно историческому значенію. Но социальдемократія заинтересована въ томъ, чтобы пролетарскія и демократическія массы имѣли возможно болѣе ясное представленіе о той зависимости, въ которой находится общественная роль и значеніе ихъ крупнѣйшихъ вождей отъ собственной организованной самодѣятельности, политической ролью и значеніемъ на всемірно-исторической сценѣ. Она заинтересована въ этомъ, главнымъ образомъ, потому, что одной изъ ея основныхъ задачъ является развитіе социальнаго или историческаго самосознанія въ пролетаріатѣ. Развитіе этого классоваго самосознанія ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ культивированіемъ среди рабочихъ, при помощи грубой демагогіи и лести, самохвальства или бахвальства, которое съ такимъ цинизмомъ практикуютъ наши «последовательные» и которое съ негодованіемъ осуждалъ Марксъ 50—60 лѣтъ съ лишнимъ тому назадъ.

Дѣйствительное сознаніе исторической роли, задачъ и силы своего класса развивается въ рабочихъ массахъ въ процессѣ преодоленія ими, собственными организованными усиліями, препятствій, стоящихъ на пути ихъ восходящаго историческаго движенія. Завоеывая для своего класса и для своихъ вождей все болѣе и болѣе видное и вліятельное положеніе въ общественно-политической жизни страны, поднимаясь все выше и выше въ своемъ умственномъ и политическомъ развитіи, непрестанно сталкиваясь съ партіями и тенденціями, враждебными пролетаріату, „всему народу“ и общечеловѣческому прогрессу, передовые слои пролетаріата проникаются сознаніемъ всемірно-исторической освободительной миссіи своего класса и пониманіемъ своихъ собственныхъ великихъ культурныхъ и политическихъ задачъ въ современномъ обществѣ. Своимъ собственнымъ примѣромъ и своими собственными усиліями втягивать все болѣе широкія, сравнительно, отсталыя рабочія массы въ сферу своего идейнаго и политическаго вліянія, социальдемократическія партіи сами, становящіяся все болѣе и болѣе массовыми рабочими организаціями, съ успѣхомъ работаютъ надъ искорененіемъ въ этихъ массахъ

унаслѣдованнаго ими отъ прошлыхъ временъ чувства соціальной приниженности и беспомощности. Это чувство, проявляющееся, съ одной стороны, въ покорности эксплуататорамъ и властямъ, прѣдержимъ, а съ другой и въ слѣпомъ подчиненіи волѣ отдѣльныхъ личностей, иногда просто демагоговъ или авантюристовъ, съумѣвшихъ тѣмъ или инымъ путемъ, вызвать въ отсталыхъ массахъ довѣріе къ себѣ и вовлечь ихъ въ борьбу съ ихъ дѣйствительными или мнимыми угнетателями, это чувство, подъ вліяніемъ растущей силы пролетарскаго соціалъдемократическаго авангарда и его непосредственнаго воздѣйствія на эти массы, все болѣе вытѣсняется въ нихъ растущимъ сознаниемъ силы и значенія ихъ класса и осмысленнымъ, критическимъ отношеніемъ не только къ враждебнымъ партіямъ и ихъ вождямъ, но и къ своимъ собственнымъ авторитетнымъ вождямъ. И однимъ изъ наиболѣе сильно дѣйствующихъ факторовъ развитія и распространенія такого пролетарскаго классоваго самосознанія въ широкихъ массахъ является освѣщеніе передъ ними истиннаго смысла такихъ событій и фактовъ, въ которыхъ, въ крупномъ масштабѣ, ярво проявляется моральная сила соціалъдемократіи и невольное преклоненіе передъ ней и непролетарскихъ передовыхъ слоевъ, какъ передъ единственной большой истинно культурной политической силой, неутомимо борющейся со всѣми врагами „всего народа“ и всего человѣчества.

И едва ли не самымъ знаменательнымъ изъ такихъ событій является международное чествованіе памяти наиболѣе любимаго и самаго крупнаго изъ соціалъдемократическихъ вождей, вышедшихъ изъ нѣдръ пролетаріата и его классоваго движенія.

Вотъ почему я остановился специально на критикѣ тенденціи буржуазной прессы истолковывать это, исторически крайне знаменательное, событіе исключительно, какъ проявленіе личнаго отношенія рабочихъ массъ и передовыхъ элементовъ буржуазіи къ „личному характеру“, высокимъ дарованіямъ и индивидуальнымъ заслугамъ Бебеля передъ народомъ. Психологической и логической предпосылкой для этой тенденціи служитъ отношеніе къ соціалистическимъ пролетаріямъ, во главѣ которыхъ онъ стоялъ на полѣ борьбы съ буржуазнымъ обществомъ, какъ къ стихіи, способной только идти за своими вождями, которые съумѣли овладѣть „сердцами рабочихъ“.

Этому ложному взгляду мы должны противопоставить настойчивое указаніе и выясненіе той рѣшающей роли, которую начавшійся больше полустолѣтія тому назадъ неуклонный культурный и политическій подъемъ рабочаго класса игралъ въ развитіи и примѣненіи творческихъ силъ Бебеля, какъ организатора и политическаго дѣятеля. Въ атмосферѣ этого подъема, подъ прямымъ вліяніемъ расширявшейся и углублявшейся самостоятельности рабочихъ массъ, развитію которой онъ такъ много способствовалъ, онъ и самъ духовно и политически росъ и становился всеболѣе крупнымъ и виднымъ историческимъ дѣятелемъ. Поэтому, и тогда, когда онъ уже сталъ общепризнаннымъ, высокообразованнымъ „великимъ генераломъ“ на міровой политической аренѣ и „политическимъ мыслителемъ“, вмѣсто психологической и культурной пропасти, между нимъ и этими массами оказалась такая внутренняя, духовная близость, что

онъ могли бы, примѣнительно къ себѣ, повторить слова товарища, приведенныя много вначалѣ статьи: „Никто не былъ намъ такъ близокъ, какъ Августъ Бебель“. Онъ былъ имъ такъ интимно близокъ потому, что полнѣе, ярче и разностороннѣе другихъ вождей воплотилъ въ своей личности и выразилъ въ своей дѣятельности благороднѣйшія стороны ихъ собственной психики и тѣ же общественно-политическія стремленія, культурные интересы и запросы, которые и ихъ воодушевляють. Въ лицѣ Бебеля, ихъ собственное культурное, умственное и политическое движеніе достигло высшей точки своего развитія до настоящаго времени. А потому безчисленныя проявленія глубокой скорби международнаго пролетаріата сильно и ярко подчеркнули не только „безграничную любовь“ социалистическихъ рабочихъ къ усопшему вождю, но и то, что борющіяся подъ знаменемъ социальдемократіи рабочія массы заслужили такого великаго вождя, какимъ былъ Бебель.

По той же причинѣ проявившееся по случаю его кончины отношеніе къ нему „безчисленныхъ политическихъ противниковъ“ является объективнымъ отраженіемъ, слѣдствіемъ и показателемъ того мірового культурнаго и политическаго значенія, котораго достигъ социалистическій пролетаріатъ. оплакивая потерю, понесенную въ лицѣ вождя, какъ незамѣнимую потерю для всего человѣчества, передовые элементы буржуазіи этимъ самымъ, помимо своей воли и своего сознанія, склоняются передъ растущей силой рабочаго класса и выражаютъ свое предчувствіе приближенія эпохи культурной духовной и политической гегемоніи его надъ міромъ. Величественное интернаціональное чествованіе памяти пролетарскаго вождя, чествованіе въ которомъ, въ той, или иной формѣ, приняли участіе, кромѣ рабочихъ, представители буржуазныхъ классовъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что международная социальдемократія, съ германской рабочей партіей во главѣ, довольно далеко подвинулась впередъ на своемъ историческомъ пути къ освобожденію человѣчества отъ капиталистическаго рабства и поддерживаемыхъ имъ остатковъ средневѣковаго и азіатскаго варварства.

П. Б. Аксельродъ.

„Забастовка матерей“.

I.

Осенью текущаго года въ Германіи надѣлали большого шума собранія собранія, посвященныя обсужденію вопроса о „забастовкѣ матерей“, о борьбѣ съ ухудшеніемъ положенія рабочаго класса путемъ сокращенія рождаемости дѣтей рабочихъ.

Возбужденіе вопроса въ настоящее время о рождаемости дѣтей рабочихъ является признакомъ того, что теперь при необычайномъ вздорожаніи жизни воспитаніе дѣтей дѣлается для

рабочихъ особенно тяжелымъ бременемъ, что это вопросъ на-болѣвшій, требующій, если не своего рѣшенія, то во всякомъ случаѣ выясненія.

Если посмотрѣть на цифру рождаемости въ настоящее время въ различныхъ странахъ и сравнить ихъ съ цифрами прошлыхъ лѣтъ, то не трудно замѣтить, что и практически этотъ вопросъ имѣетъ большое значеніе и уже рѣшается значительной частью населенія: происходитъ неуклонное сокращеніе рождаемости. Въ Германіи рождаемость на 1000 человекъ населенія съ 38,9 въ 1871—5 годахъ сократилось до 34,8 въ 1901—5 г.г. Во Франціи съ 25,5—до 21,3; въ Англіи съ 35,5 до 28,1 и т. д.

Правда, на ряду съ сокращеніемъ рождаемости происходитъ и сокращеніе смертности дѣтей, при чемъ это сокращеніе смертности, въ нѣкоторой степени, связано съ сокращеніемъ рождаемости. Во всякомъ случаѣ регулированіе дѣторожденія въ рабочей средѣ является не только вопросомъ, который обсуждается, но и фактомъ, съ которымъ приходится считаться. По даннымъ Vorwarts'a рождаемость въ рабочихъ кварталахъ Берлина за послѣднія десятилѣтія понизилась на 20—30%, между тѣмъ какъ въ буржуазныхъ кварталахъ она понизилась только на 5—12%.

Является вопросъ: чѣмъ вызвано это явленіе и какое значеніе оно имѣетъ?

II.

Въ своихъ статьяхъ въ „Нашей Зарѣ“ о теоріи заработной платы я уже упоминалъ, 1) что *въ заработную плату рабочаго при современномъ капиталистическомъ строѣ не входитъ стоимость содержанія семьи рабочаго*, что капиталъ не вынужденъ оплачивать содержаніе семьи рабочаго, потому что деревня представляетъ огромное количество свѣжихъ рабочихъ силъ, вскормленныхъ въ деревнѣ въ мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Капиталистическій строй организованъ такимъ образомъ, что всякій товаръ производится и покупается въ мѣстахъ наиболѣе дешеваго производства. Для капиталиста рабочія руки являются такимъ же товаромъ, какъ ситецъ, желѣзо и проч. Въ городѣ не вскармливаются телята, жеребята, поросята и прочая живность. Городъ ихъ потребляетъ. Также капиталъ потребляетъ рабочія силы, вскормленные деревней въ мелкомъ хозяйствѣ и выброшенные на рабочій рынокъ, какъ выбрасывается изъ деревни на рынокъ всякая „живность“. Это и даетъ возможность предпринимателямъ не заботиться о томъ, чтобы у рабочихъ непременно было потомство. Семья рабочаго, съ точки зрѣнія предпринимателя, „излишній расходъ“, и онъ не заплатитъ рабочему только за то, что тотъ воспитываетъ новыхъ работниковъ. Поэтому Мальтусъ и мальтузіанство и пользуются признаніемъ у предпринимателей и экономистовъ, какъ верхъ премудрости.

Но, съ другой стороны, если рабочій имѣетъ семью, предприниматель не можетъ ничего имѣть противъ, только бы уве-

1) Подробнѣе на этомъ вопросѣ я останавливаюсь въ книгѣ „Капитализмъ“.

личеніе рабочей семьи не повело къ повышенію заработной платы, только бы мать и дѣти также работали и конкурировали съ отцами. Напротивъ, больше конкурентовъ рабочихъ,—больше прибыль. Поэтому одна часть буржуазіи находитъ, что рабочіе отъ того и бѣдствуютъ, что имѣютъ „лишнихъ“ дѣтей, слишкомъ размножаются. Другая часть обращаетъ вниманіе на то, что населеніе при такихъ условіяхъ будетъ сокращаться. „Патріоты“ совѣтуютъ рабочимъ усерднѣе размножаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко возмущаются, если рабочіе устраиваютъ забастовки для улучшенія своего положенія.

Особенно большую тревогу отъ сокращенія населенія испытываетъ французская буржуазія изъ опасенія недостатка солдатъ. Французскіе буржуа горячо агитируютъ за увеличеніе рождаемости французовъ, не жертвуя ни копейки на содержаніе рабочихъ дѣтей.

Таковы противорѣчія современнаго строя, противорѣчія, въ которыхъ легко запутаться даже специалисту—экономисту. Поэтому въ вопросѣ о значеніи рождаемости рабочихъ высказываютъ ошибочные взгляды не только анархисты и синдикалисты—неомальтузианцы, но даютъ неудовлетворительные отвѣты и марксисты. Такъ, напримѣръ О. Ольбергъ въ своей статьѣ въ „Neue Zeit“ доказываетъ, что размноженіе рабочихъ выгодно для нихъ, потому что въ борьбѣ пролетаріата съ буржуазіей важна физическая сила, что увеличеніе рождаемости рабочихъ дѣтей увеличиваетъ рабочую армію и ея физическую силу, — аргументъ, въ достаточной степени слабый.

III.

Сторонники „забастовки матерей“ рассуждаютъ слѣдующимъ образомъ. Высота заработной платы, говорятъ они, зависитъ отъ спроса и предложенія. Благодаря большой рождаемости количество рабочихъ превышаетъ спросъ на рабочія руки и рабочіе, благодаря взаимной конкуренціи, находятся въ рукахъ капиталистовъ, принуждаемые работать на предлагаемыхъ капиталистами условіяхъ. Если-бы рабочіе не размножались, то предложеніе рабочихъ рукъ было бы меньше спроса и уже рабочіе стали бы диктовать свои условія предпринимателямъ, нуждающимся въ рабочихъ. Такимъ образомъ изъ зависимаго положенія, въ которомъ теперь находятся рабочіе, они обратились бы въ господъ положенія. Забастовки, профессиональные союзы, политическая борьба и прочія мѣры классовой борьбы пролетаріата, по мнѣнію нео-мальтузианцевъ, жалкіе паліативы, которые не могутъ уничтожить господства капитала, между тѣмъ какъ забастовка матерей радикально рѣшаетъ вопросъ.

На первый взглядъ, такое рѣшеніе рабочаго вопроса можетъ показаться правильнымъ, особенно если предположить, что заработная плата закладываетъ въ себѣ стоимость содержанія не только рабочаго, но и его семьи, т. е. не только стоимость сохраненія рабочей силы, но и ея воспроизводства. Ибо, если въ заработную плату входятъ и издержки по воспитанію потомства рабочихъ, то нужно предположить, что во 1-хъ, при воздержаніи

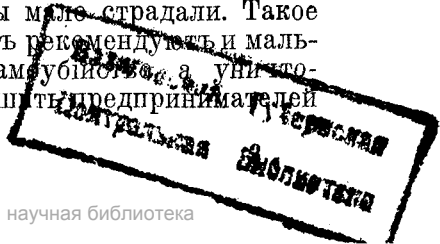
отъ размноженія заработной плата будетъ превышать стоимость содержанія рабочаго безъ семьи. Во 2-хъ, *если* предприниматели оплачиваютъ стоимость содержанія семьи, то только потому, что безъ рабочаго потомства будетъ недостаточно рабочихъ рукъ и этотъ недостатокъ заставляетъ предпринимателей оплачивать содержаніе рабочей семьи.

Всѣ эти разсужденія имѣли бы нѣкоторое основаніе, если бы рабочая армія пополнялась *только* потомствомъ рабочихъ же. Тогда дѣйствительно капиталъ вынужденъ былъ бы оплачивать въ заработной платѣ не только стоимость содержанія рабочаго, но и его семьи, тогда дѣйствительно забастовка матерей могла бы въ нѣкоторой степени сократить предложеніе рабочихъ рукъ.

Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ. Рабочая армія пополняется деревенскимъ, главнымъ образомъ земледѣльческимъ, населеніемъ. Поэтому предприниматели не оплачиваютъ стоимости содержанія рабочей семьи и для ея сохраненія рабочему приходится или урѣзывать свои потребности, или эксплуатировать трудъ своей жены и своихъ дѣтей. Размноженіе рабочихъ можетъ сократиться и сокращается, а рабочая армія и армія безработныхъ будетъ расти, благодаря разоренію мелкаго хозяйства, выбрасывающаго ежегодно сотни тысячъ новыхъ рабочихъ. Если бы и можно было остановить размноженіе рабочихъ, то остановить разложеніе мелкаго хозяйства, выбрасывающаго рабочихъ, нельзя, пока существуетъ капиталистическій строй. Поэтому рабочіе напрасно стали бы надѣяться, что отъ „забастовки матерей“ они могутъ сдѣлаться господами положенія, диктовать свои условія предпринимателямъ и улучшить свое положеніе. Деревня будетъ продолжать выбрасывать дешевыя рабочія руки, которыя явятся конкурентами городскихъ рабочихъ. И, чѣмъ меньше послѣдніе организованы, чѣмъ больше они будутъ надѣяться на чудодѣйственную роль „забастовки матерей“, тѣмъ будетъ хуже для нихъ, такъ какъ безудержной взаимной конкуренціи приходящихъ рабочихъ они не смогутъ ничего противопоставить. Только прочной профессиональной организаціей, только путемъ упорной классовой экономической и политической борьбы и *только путемъ вовлеченія въ эту борьбу приходящихъ изъ деревни рабочихъ* возможно парализовать вредное вліяніе приходящихъ изъ деревни свѣжихъ рабочихъ силъ.

Если бы даже организованные рабочіе не только прекратили дѣторожденіе, но и кончали съ собой самоубійствомъ, то всетаки капиталъ продолжалъ бы вербовать достаточное количество новыхъ рабочихъ.

У нѣкоторыхъ дикарей, на примѣръ, у древнихъ ирландцевъ, былъ слѣдующій обычай: чтобы досадить своему врагу, на примѣръ, кредитору, нужно было повѣситься на его воротахъ. Должники вѣшались, но отъ этого кредиторы мало страдали. Такое же средство для борьбы съ капитализмомъ рекомендуютъ и мальтузианцы; только они рекомендуютъ не самоубійство, а униженіе потомства, чтобы такимъ путемъ лишить предпринимателей „излишнихъ рабочихъ“.

Какъ бы то ни было, но практика мальтузіанства все болѣе и болѣе распространяется среди рабочихъ.

Какое значеніе имѣеть это явленіе?

Во всякой борьбѣ съ неблагоприятными условіями существуетъ два метода: путь активной борьбы, при которой борющійся съ неблагоприятными условіями стремится *измѣнить* эти условія, не отступая самъ, и путь пассивной борьбы, при которой борющійся *отступаетъ* передъ неблагоприятными условіями, чтобы меньше отъ нихъ пострадать.

Въ борьбѣ съ вздоржаніемъ жизни, въ борьбѣ съ неблагоприятными условіями, въ которыя поставленъ рабочій классъ, рабочіе прибѣгаютъ къ обоимъ указаннымъ нами методамъ. Для того, чтобы сносить существовать и не отказывать себѣ въ элементарныхъ потребностяхъ ради дѣтей, рабочіе прибѣгаютъ къ сокращенію потомства, поздно женятся, избѣгаютъ семейной жизни и т. д. и т. д. Это пассивная индивидуальная борьба рабочихъ съ неблагоприятными условіями, борьба, которая не улучшаетъ положенія рабочаго *класса*, не измѣняетъ отношеній рабочихъ и предпринимателей, но даетъ возможность *индивидуальному* рабочему на ничтожный заработокъ лучше удовлетворять свои потребности, чѣмъ при семейной жизни. Это борьба индивидуальная и пассивная. Если рабочіе будутъ довольствоваться только ею, то ихъ положеніе можетъ ухудшиться, такъ какъ индивидуальными силами бороться противъ давленія капитала при взаимной конкуренціи рабочихъ невозможно.

На ряду съ этой пассивной и бесполезной для рабочихъ, какъ класса, борьбой, существуетъ активная борьба, которая можетъ быть только коллективной. Эта активная борьба заключается въ стремленіи путемъ коллективныхъ дѣйствій *измѣнить* самыя условія, въ которыхъ находится въ данный моментъ рабочій классъ.

Напримѣръ, для измѣненія соотношенія спроса и предложенія на трудъ мальтузіанцы предлагаютъ рабочимъ „сократиться“, уменьшить дѣторожденіе и этимъ *сократитъ предложеніе* труда. Это пассивная форма борьбы, и, какъ мы показали, совершенно безплодная. Но есть и активная форма борьбы, — сокращеніе рабочаго дня и такимъ путемъ *увеличеніе спроса* на трудъ.

Вздоржаніе жизни, ничтожная заработная плата при пассивныхъ формахъ борьбы ведетъ къ сокращенію семейства, къ уничтоженію семейной жизни рабочихъ. Въмѣсто борьбы за увеличеніе заработной платы путемъ организованнаго давленія, вмѣсто политической борьбы путемъ постепеннаго ослабленія и конечнаго устраненія господства капитала индивидуальный рабочій ведетъ пассивную борьбу, сокращая свою семью и такимъ путемъ сокращая сумму необходимыхъ для существованія расходовъ и т. д.

Такимъ образомъ практика мальтузіанства, поскольку она распространяется среди рабочихъ, является результатомъ тяжелаго положенія рабочаго класса, проявленіемъ индивидуальной

пассивной борьбы съ тяжелыми условіями, въ которыхъ онъ находится. Положеніе рабочаго класса отъ этой борьбы не улучшается, но тотъ или другой индивидуальный рабочій можетъ тратить на себя ту сумму, которую онъ, при существованіи дѣтей, тратилъ бы на нихъ. Видѣть въ этомъ залогъ какой либо побѣды надъ капиталомъ, или надѣяться на улучшеніе положенія рабочаго класса путемъ такой борьбы, во всякомъ случаѣ наивно.

П. Масловъ.

Опять мужики...

Давно уже русская литература не знала такого обилія мужицкихъ темъ, какъ въ злое пореволюціонное лихолѣтье, въ годы мертваго затишья нашей общественной жизни. Если отвлечься отъ конкретнаго содержанія современныхъ художественныхъ произведеній, главными героями которыхъ являются мужики, — то самый фактъ ихъ появленія теперь на литературномъ рынкѣ долженъ казаться вполне естественнымъ и законнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь мужикъ всегда выступалъ въ русской литературѣ въ роли „сфинкса“, существа невѣдомаго, загадочнаго, чуждаго и страннаго. Эта загадочность порождалась тѣмъ обстоятельствомъ, что чуть ли не на всемъ протяженіи русской исторіи „народъ безмолвствовалъ“, не проявлялъ себя, не обнаруживалъ своей истинной физиономіи. Гдѣ-то, въ безчисленныхъ Нефловкахъ и Горѣловкахъ безчисленные Сидоры и Карпы копошились вокругъ своихъ допотопныхъ сохъ; усердно ковыряли землю—свою и барскую; исправно голодали и неисправно платили подати; вѣрили въ домового и заколачивали на смерть конокрадовъ; набожно били поклоны и неистово матерщинничали... Но кто таковъ русскій мужикъ, что таитъ въ себѣ, каковы его силы, и что скажетъ онъ, когда, наконецъ, раскроетъ свои молчаливо—каменные уста,—этого никто не зналъ. И потому писали обычно мужика въ двѣ краски: черную и бѣлую, — въ зависимости отъ того, какое тотъ или иной писатель теоретически, головнымъ путемъ устанавливалъ отношеніе къ мужику. „Правда“ о мужикѣ никогда не была полной, и хотя иные художники близко подходили къ ней, — назовемъ хотя бы Гл. Успенскаго, — все же общее впечатлѣніе, какое можно вынести о мужикѣ изъ всей нашей художественной литературы въ цѣломъ, — это огромное и мучительное неизвѣстное, жуткій вопросительный знакъ, невѣдомая и сложная загадка. И этотъ печальный результатъ, повторяемъ, вполне естествененъ: „сфинксъ“ былъ единственнымъ и неизбѣжнымъ правдивымъ отраженіемъ мужика, такъ какъ дѣйствительность не давала возможности воплотить его въ другихъ, болѣе четкихъ и опредѣленныхъ образахъ.

И вотъ, когда, наконецъ, прорвало вѣковое народное молчаніе, когда въ „смутные годы“ революціи ходуномъ ходила вся сермяжная Русь и „Енъ“ такъ, казалось бы, безповоротно заявилъ, что не намѣренъ больше „доставать“; когда всевозможные Потапычи и Пантелѣи вдругъ стали проявлять тягу къ политическому оформленію и въ двухъ Думахъ недвусмысленно предъявили къ учету свои историческіе векселя,—тогда, думалось, и въ художественной литературѣ, призванной отражать и обобщать явленія дѣйствительности, появится новый мужикъ: ясный, четкій, лишенный туманной и непріятной „загадочности“.

И мужики, дѣйствительно, опять пришли къ намъ въ литературу,—но, увы!—оказались тѣми же непонятными и пугающими „сфинксами“, что и ихъ литературные отцы и дѣды, съ тою лишь разницей, что въ писаніяхъ нашего времени мужикъ окончательно лишень званія человѣческаго, совершенно обдѣленъ въ свѣтлыхъ чертахъ, въ чемъ до сихъ поръ не отказывали мужику самые отъявленные литературные мужиконенавистники.

Почитайте, напримѣръ, нашумѣвшую книгу г. Родіонова „Наше преступленіе“. „Народъ спился, одичалъ, озлобился, не умѣетъ и не хочетъ трудиться“,—говоритъ авторъ въ предисловіи, и всѣ страницы его объемистой книги удѣлены изображенію этого дикаго, кошмарнаго, обреченнаго звѣрья, какимъ является, по Родіонову, современное крестьянство. Г. Родіоновъ—помѣщикъ, земскій начальникъ, не такъ давно судившійся за мордобой, учиненный имъ надъ однимъ изъ „гибнущихъ меньшихъ братьевъ“, къ которымъ онъ предлагаетъ „тѣмъ образованнымъ людямъ, въ комъ бьется горячее русское сердце“, понести „миръ, свѣтъ и знанія“...

Но несправедливо было бы все содержаніе книги отнести за счетъ испугавшагося крестьянскихъ бунтовъ аграрія, надо признать, что разруха и безначаліе (въ худшемъ смыслѣ этого понятія) современной деревни, жуткій и темный тупикъ, въ которомъ бьется, ища какого-нибудь выхода, мужицкая душа,—отражены авторомъ довольно правдиво. Бѣлая кость, идеологомъ которой является г. Родіоновъ, подсказала ему лишь одно „радикальное“ рѣшеніе вопроса:

„Надо обуздать расходившагося звѣря“.

„... Этыхъ звѣрей, рвань эту проклятую только и можно усмирить казнями, каторгой, пытками“.

Но, не принявъ этихъ, подсказанныхъ классовой злобой, зоологическихъ выводовъ г. Родіонова, все же приходится крѣпко задуматься надъ тѣмъ дѣйствительно темнымъ и страшнымъ, что показалъ намъ въ крестьянскомъ быту авторъ: вѣдь и писатели, далекіе отъ защиты крѣпостничества, чуждые примитивно—„зубрской“ точки зрѣнія г. Родіонова, въ своихъ изображеніяхъ современнаго крестьянства даютъ картины, немногимъ отличающіяся отъ набросанныхъ г. Родіоновымъ. Такъ, повѣсть И. А. Бунина «Деревня» раскрываетъ передъ нами міръ, полный тьмы, невѣжества и дикости, безысходнаго отчаянья и

невѣроятной, сказочной тупости... Дурновка и Черная Слобода, царство мужиковъ и мелкихъ мѣщанъ, зарисованное опытной рукой художника, встаетъ передъ нами во весь свой неприглядный, уродливый ростъ.

— И это Русь!—думается съ тоской и отчаяньемъ, когда вчитываешься въ бунинскія строки:—И это народъ, съ которымъ связаны всѣ наши историческія чаянья, наша надежда, радость, гордость!.. И эти люди посылали въ Думы яркихъ представителей, влагали въ ихъ уста красивыя и дерзкія рѣчи о волѣ!..

Вотъ, послушайте, діалогъ:

— А не знаешь, зачѣмъ судъ пріѣхалъ?

— Депутата судить... Говорили, рѣку хотѣлъ отравить.

— Депутата? Дуракъ, да развѣ депутаты этимъ занимаются?

— А чума ихъ знаетъ!..

Вѣдь это не только тѣла, но и души бунинской Руси поголовно изъязвлены «дурной болѣзью»!

Полное физическое, умственное и нравственное вырожденіе,— вотъ жестокой и суровой приговоръ, вынесенный Бунинымъ современной деревнѣ.

Въ рассказѣ „Ночной разговоръ“ *) тотъ же авторъ ставитъ точку надъ своей „Деревней“, опредѣленно договариваетъ то, что въ повѣсти оставалось недоговореннымъ. Въ „Ночномъ разговорѣ“ Бунинъ сводитъ нѣсколькихъ мужиковъ, которые самымъ спокойнымъ и добродушнымъ тономъ повѣствуютъ о такихъ вещахъ, отъ которыхъ недаромъ ночующій съ мужиками на сѣновалѣ барчукъ гимназистъ „становится глухимъ отъ стука собственного сердца“.

Тутъ и восторженный рассказъ мужика объ убійствѣ, въ бытность солдатомъ, арестанта - грузина; и о нелѣпомъ убійствѣ челоуѣка „изъ за козы“; и о сдираньѣ кожи съ живого быка; и объ „ожаживаньѣ“ по головѣ барина во время аграрнаго погрома убитымъ ребенкомъ (отецъ „сгрѣбъ за ножки и давай бузовать“). Словомъ, подобранъ такой „букетъ“, который недвусмысленно говоритъ читателямъ о томъ, что мужикъ—звѣрь, „чудище обло, стозѣвно, лалй“, способное ежеминутно убить, замучить, безо всякаго зазрѣнія совѣсти, безъ сожалѣнія и хоть слабаго, отдаленнаго сознанія объ ужасѣ содѣяннаго.

Если таковы мужикъ и деревня у вдумчиваго, гуманнаго, знающаго деревню Бунина, чего же ожидать отъ писателей—горожанъ, случайно, дачниками забредающихъ въ мужицкое царство, внѣшне, издалека знакомящихся съ нимъ? Наболѣе типиченъ среди нихъ талантливый поэтъ—юмористъ Саша Черный, въ любопытномъ рассказѣ подводящій итоги своему первому знакомству съ мужиками **).

Основной тонъ, на которомъ развернута наблюденная писателемъ картина жизни, можно опредѣлить однимъ словомъ: нелѣпость. Саша Черный не нагромоздилъ въ рассказѣ кровавыхъ ужасовъ, никого не убилъ, но искренно дѣлится съ чита-

*) Сборникъ I „Издательскаго Т-ва Писателей“ 1912 г.

***) Сборникъ „Земля“ кн. 8-я, 1912 г.

телями своимъ глубочайшимъ недоумѣніемъ передъ той дѣйствительностью, съ которой ему пришлось столкнуться.

Вся крестьянская жизнь—личная, хозяйственная и мірская,—поражаетъ Сашу Чернаго своей нелѣпостью прежде всего. Вотъ, послушайте, образчикъ мужицкихъ разсужденій: авторъ спрашиваетъ собесѣдника—крестьянина, жалующагося на отсутствіе лѣса, который проданъ обществомъ помѣщику, почему мужики не сажаютъ лѣса.

— ..вы бы сажали лѣсъ. Часть вырубить, часть посадить. Вотъ всегда будетъ,—какъ въ имѣньѣ здѣсь.

— Въ имѣньѣ?—Лицо Коровина изображаетъ высшую степень сарказма.—Позвольте васъ спросить, какое ваше занятіе будетъ?—перешелъ онъ вдругъ на вы.

— Занятіе,—сконфузился я:—Пишу... въ газетахъ...

— Въ газетахъ... а говоришь, зачѣмъ мужики лѣсъ не сажаютъ...

— Да вѣдь помѣщикъ сажаетъ?

— Помѣщикъ? Помѣщикъ, можетъ, на тройкѣ водку ѣздитъ пить къ сосѣду, а мужикъ на одной пашетъ...

Можно привести изъ разсказа еще рядъ подобныхъ неожиданныхъ, поражающихъ мужицкихъ аргументовъ. Тотъ же авторъ уже въ стихахъ даетъ такую бытовую деревенскую картинку: *).

Сообща.

„Отчего такая радость

У багровскихъ мужиковъ?“

— „Въ заказномъ лугу поймали
Нижнедарвинскихъ коровъ“.

„Ну и что жь?“—А очень просто:
За потраву — четвертной“.

„Получили?“—„Уже полу-чатъ!
Подъ него вотъ и пропой“.

„Отчего же ихъ такъ много?“

— „Эхъ, ты, милая душа,—
Нижнедарвинцы вѣдь тоже

Пропиваютъ сообща!“

Въ „Первомъ Знакомствѣ“ есть очень любопытная глава о томъ, какъ авторъ записывалъ у крестьянскихъ дѣвушекъ народныя пѣсни. Рядомъ съ глупыми, пошлыми, лакейско-писарскими, отдающими кабацкой „цивилизацией“; вродѣ: <Трансваль-Трансваль, страна моя> или „Пріѣхалъ гусарикъ изъ новаго полку“, — дѣвушки продиктовали ему нѣсколько глубоко-поэтическихъ, прекрасныхъ и нѣжныхъ пѣсенъ, въ которыхъ и тонкое чутье природы, и дѣломудренная чистота чувства.

«Я долго сидѣлъ на скамьѣ»,—пишетъ С. Черный, „и перечитывалъ свои пѣсни, скажу правду, не менѣе горячо, чѣмъ

Верлена. Такъ вотъ какъ они чувствуютъ природу: „Вѣтеръ вѣтерочекъ, вѣтеръ тоненькій голосочекъ“... А вы, милордъ, жили бокомъ о бокъ и думали>...

Эти строки очень характерны не только для Саши Чернаго: въ нихъ вылилось типичное для каждаго чуждаго деревнѣ наблюдателя двойственное чувство, порожденное противорѣчивостью впечатлѣній, получаемыхъ отъ знакомства съ деревней: сложный, запутанный клубокъ тьмы, дикости, грязи и невѣжества переплетается съ серебряными нитями поэзіи; рядомъ съ пещерно-кабацкой „культурой“, свидѣтельствующей о полномъ разложеніи и ущербѣ, цвѣтутъ яркіе и радостные цвѣты здоровой культуры строительства жизни.

Ни интеллигентъ-горожанинъ Саша Черный, ни культурный баринъ Бунинъ, ни дикій баринъ-чиновникъ Родіоновъ не дали цѣльной картины, которая охватила бы современную деревню со всѣхъ сторонъ, обнаружила бы и освѣтила темные закоулки мужицкой души.

Если о г. Родіоновѣ еще можно сказать, что узко-классовая точка зрѣнія лишила его необходимой для художника объективности, то другимъ писателямъ бросать упрекъ въ тенденціозности мы не имѣемъ никакихъ основаній. Для того, чтобы разрѣшить такую трудную задачу, какъ отраженіе мужицкой души, надо взяться за эту задачу изнутри, а не извнѣ: только писатель, взрощенный деревней, самъ шедшій по тернистому мужицкому пути, на себѣ познавшій всѣ прелести крестьянской доли, могъ бы показать намъ во весь ростъ то жуткое неизвѣстное, передъ познаніемъ котораго билось и горѣло мучительнымъ пламенемъ столько блестящихъ и скорбящихъ о народѣ сердець.

Намъ посчастливилось стать свидѣтелями и современниками того радостнаго явленія, какъ мужикъ взялъ, наконецъ, въ свои корявые руки перо и безхитростно повѣдалъ намъ о крестьянскихъ горестяхъ и радостяхъ. Я говорю о книгѣ Ив. Вольнова: „Повѣсть о дняхъ моей жизни“.

Это исключительная въ нашей литературѣ книга. Если подойти къ ней съ обычной мѣркой, которую примѣняютъ ко всѣмъ беллетристамъ, то придется сказать, что любая изъ безчисленныхъ современныхъ литературныхъ сошекъ, наводняющихъ сборники, альманахи, журналы, можетъ дать И. Вольнову сто очковъ впередъ: такъ мѣстами неуклюже написана книга, такіе въ ней попадаются неловкіе обороты, такъ неумѣло сложена вся постройка произведенія. Но въ то же время Ив. Вольновъ достигаетъ результатовъ, которые никогда и не сняты крупнѣйшимъ мастерамъ современной русской литературы: надъ „Повѣстью о дняхъ моей жизни“ можно и не стыдно плакать.

Бываютъ книги, — такихъ, увы! немного, — при чтеніи которыхъ какъ-то и не думаешь даже о томъ, что вотъ въ такомъ-то мѣстѣ имѣются погрѣшности противъ стила, изложенія и т. п. Къ числу такихъ счастливыхъ исключеній принадлежитъ и книга Ив. Вольнова. Можно даже не считать ее, со строго-литературной точки зрѣнія, повѣстью, можно, вслѣдъ за авторомъ, называть ее лишь „хроникой крестьянской жизни“, — все это нисколько не умалитъ

телями своимъ глубочайшимъ недоумѣніемъ передъ той дѣйствительностью, съ которой ему пришлось столкнуться.

Вся крестьянская жизнь—личная, хозяйственная и мірская,—поражаетъ Сашу Чернаго своей нелѣпостью прежде всего. Вотъ, послушайте, образчикъ мужицкихъ разсужденій: авторъ спрашиваетъ собесѣдника—крестьянина, жалующагося на отсутствіе лѣса, который проданъ обществомъ помѣщику, почему мужики не сажаютъ лѣса.

— ..вы бы сажали лѣсъ. Часть вырубить, часть посадить. Вотъ всегда будетъ,—какъ въ имѣньѣ здѣсь.

— Въ имѣнье?—Лицо Коровина изображаетъ высшую степень сарказма.—Позвольте васъ спросить, какое ваше занятіе будетъ?—перешелъ онъ вдругъ на вы.

— Занятіе,—сконфузился я:—Пишу... въ газетахъ...

— Въ газетахъ... а говоришь, зачѣмъ мужики лѣсъ не сажаютъ...

— Да вѣдь помѣщикъ сажаетъ?

— Помѣщикъ? Помѣщикъ, можетъ, на тройкѣ водку ѣздитъ пить къ сосѣду, а мужикъ на одной пашетъ...

Можно привести изъ разсказа еще рядъ подобныхъ неожиданныхъ, поражающихъ мужицкихъ аргументовъ. Тотъ же авторъ уже въ стихахъ даетъ такую бытовую деревенскую картинку: *).

Сообща.

„Отчего такая радость

У багровскихъ мужиковъ?“

— „Въ заказномъ лугу поймали

Нижнедарвинскихъ коровъ“.

„Ну и что жъ?“—А очень просто:

За потраву — четвертной“.

„Получили?“—„Уже полу-чать!

Подъ него вотъ и пропой“.

„Отчего же ихъ такъ много?“

— „Эхъ, ты, милая душа,—

Нижнедарвинцы вѣдь тоже

Пропиваютъ сообща!“

Въ „Первомъ Знакомствѣ“ есть очень любопытная глава о томъ, какъ авторъ записывалъ у крестьянскихъ дѣвушекъ народные пѣсни. Рядомъ съ глупыми, пошлыми, лакейско-писарскими, отдающими кабацкой „цивилизацией“; вродѣ: «Трансваль-Трансваль, страна моя» или „Пріѣхалъ гусарикъ изъ новаго полку“, — дѣвушки продиктовали ему нѣсколько глубоко-поэтическихъ, прекрасныхъ и нѣжныхъ пѣсенъ, въ которыхъ и тонкое чутье природы, и цѣломудренная чистота чувства.

«Я долго сидѣлъ на скамьѣ»,—пишетъ С. Черный, „и перечитывалъ свои пѣсни, скажу правду, не менѣе горячо, чѣмъ

* Саша Черный. Сатиры. Книга 2-я, стр. 53.

Верлена. Такъ вотъ какъ они чувствуютъ природу: „Вѣтеръ вѣтерочекъ, вѣтеръ тоненькій голосочекъ“... А вы, милордъ, жили бокъ о бокъ и думали»...

Эти строки очень характерны не только для Саши Чернаго: въ нихъ вылилось типичное для каждаго чуждаго деревнѣ наблюдателя двойственное чувство, порожденное противорѣчивостью впечатлѣній, получаемыхъ отъ знакомства съ деревней: сложный, запутанный клубокъ тьмы, дикости, грязи и невѣжества переплетается съ серебряными нитями поэзіи; рядомъ съ пещерно-кабацкой „культурой“, свидѣтельствующей о полномъ разложеніи и ущербѣ, цвѣтутъ яркіе и радостные цвѣты здоровой культуры строительства жизни.

Ни интеллигентъ-горожанинъ Саша Черный, ни культурный баринъ Бунинъ, ни дикій баринъ-чиновникъ Родіоновъ не дали цѣльной картины, которая охватила бы современную деревню со всѣхъ сторонъ, обнаружила бы и освѣтила темные закоулки мужицкой души.

Если о г. Родіоновѣ еще можно сказать, что узко-классовая точка зрѣнія лишила его необходимой для художника объективности, то другимъ писателямъ бросать упрекъ въ тенденціозности мы не имѣемъ никакихъ основаній. Для того, чтобы разрѣшить такую трудную задачу, какъ отраженіе мужицкой души, надо взяться за эту задачу изнутри, а не извнѣ: только писатель, взрощенный деревней, самъ шедшій по тернистому мужицкому пути, на себѣ познавшій всѣ прелести крестьянской доли, могъ бы показать намъ во весь ростъ то жуткое неизвѣстное, передъ познаніемъ котораго билось и горѣло мучительнымъ пламенемъ столько блестящихъ и скорбящихъ о народѣ сердецъ.

Намъ посчастливилось стать свидѣтелями и современниками того радостнаго явленія, какъ мужикъ взялъ, наконецъ, въ свои корявые руки перо и безхитростно повѣдалъ намъ о крестьянскихъ горестяхъ и радостяхъ. Я говорю о книгѣ Ив. Вольнова: „Повѣсть о дняхъ моей жизни“.

Это исключительная въ нашей литературѣ книга. Если подойти къ ней съ обычной мѣркой, которую примѣняютъ ко всѣмъ беллетристамъ, то придется сказать, что любая изъ безчисленныхъ современныхъ литературныхъ сошекъ, наводняющихъ сборники, альманахи, журналы, можетъ дать И. Вольнову сто очковъ впередъ: такъ мѣстами неуклюже написана книга, такіе въ ней попадаются неловкіе обороты, такъ неумѣло сложена вся постройка произведенія. Но въ то же время Ив. Вольновъ достигаетъ результатовъ, которые никогда и не сняты крупнѣйшимъ мастерамъ современной русской литературы: надъ „Повѣстью о дняхъ моей жизни“ можно и не стыдно плакать.

Бываютъ книги, — такихъ, увы! немного, — при чтеніи которыхъ какъ-то и не думаешь даже о томъ, что вотъ въ такомъ-то мѣстѣ имѣются погрѣшности противъ стиля, изложенія и т. п. Къ числу такихъ счастливыхъ исключеній принадлежитъ и книга Ив. Вольнова. Можно даже не считать ее, со строго-литературной точки зрѣнія, повѣстью, можно, вслѣдъ за авторомъ, называть ее лишь „хроникой крестьянской жизни“, — все это нисколько не умалитъ

ея огромнаго значенія. Книга Ив. Вольнова — *человѣческой* документъ, прежде всего, благодаря которому видишь и понимаешь многое изъ того, что прежде казалось темнымъ и неяснымъ.

Книга, мы знаемъ, написана крестьяниномъ, челоѣкомъ, взрощеннымъ мужицкой деревней. Но утратилъ ли гдѣ-нибудь авторъ чувство безпристрастія, склонилъ ли искусственно вѣсы своего сужденія въ мужицкую сторону, былъ ли охваченъ въ своей работѣ узко-классовой точкой зрѣнія, подобно, напримѣръ, г. Родіонову?

Нѣтъ, Ив. Вольновъ ничего не утаилъ изъ того темнаго и кошмарнаго царства, откуда онъ вышелъ. Съ безпощадной правдой вскрылъ онъ всѣ язвы мужицкой жизни, не постыдился показать мужика съ такой стороны, что порою жутко и страшно глядѣть на созданные имъ образы. И если слышится мучительная боль и кровавая тоска въ голосѣ писателя,—кто посмѣетъ его осудить за это?

Его „крестьянская хроника“ говоритъ о темнотѣ, дикости и забитости гораздо больше и убѣдительнѣе, чѣмъ книга Родіонова, Бунина и другихъ.

Когда читаешь у Вольнова о томъ, какъ пьяный отецъ озвѣрѣло избиваетъ жену и дѣтей; какъ въ холодную осеннюю ночь мать съ двумя малютками, выгнанная на улипу, ночуетъ у крыльца; какъ выдаютъ замужъ чистую, свѣтлую Мотю за гнуснаго пьяницу-сифилитика; какъ въ голодуху мать и ея сынишка жадно ѣдятъ горстями сырую муку; какъ съ невѣроятной жестокостью выколачиваютъ подати; какъ все мало-мальски сильное мучитъ и забиваетъ все слабое; какъ умираетъ, искалѣченный молотилкой, мальчикъ,—кажется, что видишь какой-то чудовищный сонъ, не представляешь себѣ, что такъ живутъ люди—милліоны людей! — что мыслимо на-яву подобное безуміе; что книга Вольнова — непосредственное отраженіе дѣйствительности.

Но не въ этомъ вся сила и заслуга книги: правдивыхъ бытоописаній крестьянской жизни можно въ русской литературѣ отыскать не мало, хотя бы у тѣхъ же писателей, о которыхъ мы говорили выше. Но въ то время, какъ у нихъ мужикъ взятъ въ своихъ темныхъ, отрицательныхъ сторонахъ, слишкомъ поверхностно и внѣшне,—у Ив. Вольнова всюду—проникновеніе въ самую глубь мужицкой души.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ и остающихся въ памяти образовъ повѣсти является фигура отца рассказчика. Пьяный, жестокій, до полусмерти избивающій жену и дѣтей, дикій истязатель,—какимъ-то кошмаромъ выплываетъ онъ со страницъ повѣсти, виситъ надъ ней злымъ и мучительнымъ призракомъ.

„Никогда за всю мою жизнь“,—жалуется мальчикъ: „не назвалъ меня отецъ въ трезвомъ видѣ ласкательнымъ именемъ, не погладилъ по головѣ, не обнялъ, какъ другіе отцы, и когда я, бывало, вижу, какъ мои товарищи цѣлуютъ своихъ отцовъ, а тѣ съ ними играютъ, мнѣ становилось обидно, стыдно и больно, потому что я боялся отца, его вѣчной угрюмости, матерной брани и звѣринаго взгляда изъ-подъ густыхъ полусѣдыхъ бровей“.

Ив. Вольновъ не щадитъ красокъ для того, чтобы передать читателямъ весь ужасъ „звѣринаго взгляда“ этого мужика, увѣ-

чащаго своихъ дѣтей до того, что они, какъ о счастьѣ, мечтають о смерти:

— Если каждый день будутъ такъ чистить, — разсуждаетъ восьмилѣтній ребенокъ, — то холера ее возьми и жизнь эту проклятую — лучше утопиться“...

Но Ив. Вольновъ сумѣлъ найти и показать подъ гнойными струпами дикой, озлобленной мужицкой души сокровища любви и нѣжности, свѣтлую и горькую тоску по лучшей долѣ; разгадать подъ внѣшней грубостью и хамствомъ уваженіе къ высшимъ духовнымъ цѣнностямъ, тягу къ свѣту и знаніямъ.

Тотъ же отецъ, избивавшій мальчика до того, что тотъ нерѣдко „съ недѣлю ходилъ кровью на дворъ“, — когда сынишка выздоравливалъ послѣ тяжелой болѣзни, „отнесъ въ залогъ Перетканному свою новую рубаху со штанами и валенки, и купилъ на „эти деньги винограднаго вина, связку кренделей и монпасевъ“ для сына. А когда Ваня подростъ и выучился грамотѣ, отцовской гордости не было конца. Не можемъ удержаться, чтобы не привести цѣликомъ слѣдующую прекрасную сцену изъ повѣсти:

— ... Раннею весною подвыпившій сосѣдъ съ компаніей сосѣдей и родственниковъ, зайдя однажды въ избу, сказалъ мнѣ:

— Почитай намъ что-нибудь сынокъ.

Сынокъ! Я даже не повѣрилъ! Это былъ первый и единственный случай въ моей жизни, когда онъ назвалъ меня сыномъ своимъ! Захватило дыханіе отъ радости, хотѣлось броситься къ нему на шею и заплакать счастливыми слезами, поцѣловать его руки и, крѣпко прижавшись, самому сказать что-нибудь ласково, душевное...

Было Вознесеніе. Я прочиталъ имъ исторію праздника. Я съ такимъ увлеченіемъ сдѣлалъ это, такъ мнѣ было пріятно и весело, въ ухахъ такъ сладко звенѣло чудное слово: „сынокъ“, что всѣ неволью залюбовались мною.

А отецъ позвалъ меня ближе къ себѣ, маня пальцемъ и любовно глядя добрыми глазами: онъ гордился мною, старый. Схвативъ обѣими руками мою голову, онъ близко—близко наклонился и поцѣловалъ меня.

— Милый мой, славный Ванюша... дитятко мое...

У него по щекамъ текли крупныя слезы, причесавъ въ широкой бородѣ, изрубцованные работой пальцы перебирали мои волосы, а затуманенные слезами глаза ласкали и грѣли.

— Хороша эта штука—грамота, — сказалъ кто-то, вздохнувъ. — Карапузъ еще, мальчонка, а—все понимаетъ, не какъ мы грѣшныя—слѣзни: смотримъ въ книгу, а видимъ фигу.

— Учись родной, учись...—шепталъ отецъ.—Я не буду приневоливать тебя къ работѣ нашей, пустая она, не благородная... Учись!..—тряхнулъ онъ головой.—Находи свою долю свѣтлую, я не нашелъ... Искалъ, а—не нашелъ...

Онъ опустилъ руки, вздохнувъ и промолвилъ, глядя въ землю:

— Я бы хотѣлъ, чтобы ты хоть одинъ разъ въ жизни сытно поѣлъ... да... и не изъ помойнаго корыта. Я весь вѣкъ голодалъ, а работалъ, какъ волъ, даже больше... Учись, ты, можетъ быть,

пробьешь себѣ дорогу... Мы умремъ скотами; падалью, а ты—ищи свое счастье и—учись, понимаешь?

— Понялъ,—прошепталъ я, прижимаясь къ нему.

Отецъ снова поцѣловалъ меня, трепля по волосамъ.

— Эхъ, ты, Ваня—Ваничка, голубчикъ ты мой!..

Я разрыдался отъ счастья“.

Трудно въ русской литературѣ найти что-нибудь равное по своей трогательности XXII главѣ книги Вольнова. Въ ней описывается, какъ бѣднякъ Егоръ Пазухинъ растилъ и воспитывалъ сына Васю, котораго онъ рѣшилъ „довести до дѣловъ“. Путемъ тяжелыхъ лишеній, унижительныхъ клянченій, каторжнаго, сверх-сильнаго труда, подѣ градомъ насмѣшекъ и издѣвательствъ односельчанъ, „довелъ“ таки старикъ сына къ „настоящему ученью“, сдалъ въ школу, а потомъ—въ семинарію“.

Когда сынъ поѣхалъ въ городъ сдавать вступительный экзаменъ, „Егоръ исчахъ и пожелтѣлъ“. По полученіи радостной вѣсти о пріемѣ, „Егоръ бросилъ пашню, заложилъ Шаврову женины холсты и шубу, благо было бабѣ лѣто, и въ ту же ночь, не поужинавши, укатилъ на станцію, оттуда—къ Васѣ. Въ городѣ прожилъ четыре дня и воротился молодѣ—молодешенекъ“.

И раскрывая эти свѣтлыя стороны мужицкой души, Ив. Вольновъ нигдѣ ничего не подчеркиваетъ, не указываетъ перстомъ: „Вотъ, молъ, онъ каковъ, мужикъ—то!“ И темное и свѣтлое выливается изъ подѣ—пера писателя одинаково произвольно, легко и просто.

Пересказывать содержаніе всей повѣсти нѣтъ никакой возможности: эту книгу надо читать, и никакія выдержки не могутъ дать о ней надлежащаго представленія. Въ произведеніи Вольнова затронутъ рядъ большихъ и мучительныхъ вопросовъ русской жизни и объ одной только „женской долюшкѣ“, на основаніи повѣсти, можно написать отдѣльную статью. Женскіе образы,—матери, сестры, Тонкопряхи,—лучше въ книгѣ, и еслибъ я былъ художникомъ, то на обложкѣ повѣсти, какъ ея символъ, изобразилъ бы скорбный ликъ матери—крестьянки, бессильно въ мольбѣ стирающей куда-то свои изможденные руки...

... Когда совершился этотъ позорный и мучительный ужасъ,—выдали замужъ умную, гордую, прекрасную Мотю за смердящаго сифилитика Мишку,—подростокъ Ваня почувствовалъ, какъ ему „до бѣшенства стали ненавистны и до слезъ жалки эти несчастные люди, способные такъ мучить собственныхъ дѣтей своихъ“... — Вотъ въ этотъ вечеръ,—говоритъ авторъ, „я далъ себѣ клятву не бить дѣтей, не мучить женщинъ и не пить вина,—и не жить вообще тою дикою, мучительною жизнью, какою живутъ они, а искать всѣми своими силами лучшее, которое,—я твердо вѣрилъ,—есть на свѣтѣ“.

И когда рыдающая мать спросила сына:

— Ваня, мальчикъ мой милый, неужто и ты когда-нибудь станешь такимъ же? Ваничка!—онъ воскликнулъ:

— Не стану, маты.. Клянусь тебѣ Богомъ, не стану!—и я опустился на колѣни передъ нею, поцѣловалъ землю въ знакъ того, что мои слова—правдивы и крѣпки.

На зарѣ я ушелъ изъ Осташкова“.

Ваня сдержалъ свою клятву. Но вѣдь не это важно для

насъ, не отдѣльный Ваня насъ интересуеть. Онъ нашель *для себя* выходъ, выбился изъ ужаса и смрада деревни, „ушелъ изъ Осташкова“. А само Осташково? Что сталося и станется съ нимъ? Такъ таки погибнетъ оно, сгниеть заживо, захлебнется отъ собственнаго гноя или выйдетъ на иные пути, которые приведутъ его къ свѣтлой, спокойной, достойной человѣка жизни?

Изъ повѣсти Ив. Вольнова мы отвѣта на эти вопросы не получаемъ. Въ этомъ отсутствіи далей, выхода или того, что называется прогнозомъ—слабая сторона книги.

Объясняется это, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что повѣсть обнимаетъ собою время до 1905 года, а въ этотъ періодъ, когда впервые ярко и опредѣленно даль о себѣ знать мужикъ,—Ив. Вольнова въ деревнѣ не было: изъ Осташкова ушелъ онъ „до зари“...

Будемъ ждать, что появятся другіе литературные „мужики“, представители крестьянской интеллигенціи, вмѣстѣ съ народомъ пережившіе великую эпоху бури и натиска и съ силой и выразительностью Ив. Вольнова покажутъ намъ тѣ новыя борозды, которыя провела эта эпоха въ темномъ сознаніи деревни, намѣтятъ тѣ элементы движенія и развитія въ современномъ крестьянствѣ, которые явятся—лучшимъ залогомъ полнаго и подлиннаго воскрешенія русской общественной жизни.

Раф. Григорьевъ.

Лѣтопись рабочаго движенія.

I. Въ борьбѣ съ забастовочнымъ движеніемъ.—II. Преслѣдованіе профессиональныхъ организаций и борьба съ союзнымъ строительствомъ.—III. Стачки и конфликты въ Петербургъ, Ригь, Царичинь, Москвь, Потти и др.

I.

Борьба вокругъ права коалицій разгорается. Выступление до 150 тысячъ рабочихъ Петербурга, Риги и Москвы съ протестомъ противъ судебной расправы со стачечниками и съ требованіемъ неограниченной свободы коалицій произвело, повидимому, сильнѣйшее впечатлѣніе на правящіе круги. Но наша бюрократія была бы не тѣмъ, что она есть, если бы она восприняла спасительный урокъ 6-го ноября и рѣшилась ввести свою борьбу съ забастовочнымъ движеніемъ, хотя бы въ узкія законныя рамки указа 2-го декабря. Оставаясь вѣрной себѣ, воинствующая бюрократія, въ отвѣтъ на выступленіе рабочихъ, рѣшила, наоборотъ, усилить борьбу со стачечнымъ движеніемъ и идти въ этой борьбѣ до конца. Такъ было, такъ будетъ...

Мотивированный приговоръ С.П.б. окружнаго суда по дѣлу Обуховцевъ съ ясностью, не заставляющей желать ничего лучшаго, лишній разъ подчеркнулъ услужливость жрецовъ Ѳемиды. Въ мотивированномъ приговорѣ Обуховскій сталелитейный заводъ подводится подъ понятіе *государственнаго установленія*, а рабочіе—подъ категорію служащихъ по найму съ правомъ государственной службы!

Но даже такой приговоръ суда не удовлетворилъ ретиваго прокурора. Ибо для достиженія поставленной судебному приговору цѣли—оказать потребное „моральное дѣйствіе“ на рабочій классъ—важны,—какъ справедливо, *по своему*, разсуждаетъ представитель государственнаго обвиненія,—не только и не столько мотивы приговора, сколько размѣры наказанія. И вотъ прокуроръ подаетъ протестъ по дѣлу Обуховцевъ, требуя *высшей мѣры наказанія*.

Ободренная исходомъ пробныхъ процессовъ—Николаевского и Обуховскаго—администрація дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ въ направленіи судебной ликвидаціи закона 2-го декабря о ненаказуемости экономическихъ стачекъ. Въ концѣ апрѣля въ частной типографіи Лойцянскаго происходила забастовка рабочихъ, сорванная штрейкбрехерами. За участіе въ мирной забастовкѣ часть рабочихъ въ свое время была изъята изъ обращенія и выслана изъ Петербурга. И вотъ теперь, когда предполагаемые „зачинщики“ стачки понесли кару въ административномъ порядкѣ и волею охраны разсѣяны по всѣмъ угламъ Россіи, къ нимъ предъявлено обвиненіе по карательнымъ статьямъ уголовнаго закона о стачкахъ. Оказывается, во время забастовки въ типографіи Лойцянскаго печатались заказы *жельзно-дорожнаго ведомства*.

Вслѣдъ за казеннымъ сталелитейнымъ заводомъ подъ понятіе „государственнаго установленія“ подводится и *частная типографія*, исполняющая казенные заказы. Какъ скоро оправдалось наше предсказаніе, что достаточно будетъ передать въ любое предпріятіе „казенный“ заказъ, хотя бы на шпоры и аксельбанты, чтобы подвести рабочихъ этого предпріятія подъ обухъ карательнаго закона,...

Но это только цвѣточки, ягодки впереди. Бюрократія вырабатываетъ цѣлый *планъ противо-коалиціонной кампаніи*. Въ газетахъ недавно было напечатано слѣдующее краткое, но многознаменательное сообщеніе:

„Департаментъ полиціи, на основаніи данныхъ о забастовкахъ послѣднихъ лѣтъ, пришелъ къ выводу, что эти забастовки носятъ политическій характеръ. Полагая, что онѣ являются началомъ широкаго примѣненія забастовокъ въ борьбѣ за политическія требованія, рѣшено приступить къ выработкѣ мѣръ борьбы съ ними, для каковой цѣли при департаментѣ полиціи образуется особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ директора департамента Бѣлецкаго“.

Въ этомъ сообщеніи рѣчь идетъ о выработкѣ мѣръ борьбы съ политическими забастовками. Но опубликованный вскорѣ „Рѣчью“ документъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что департаментъ полиціи озабоченъ выработкой мѣръ борьбы не только съ политическими, *но и съ чисто экономическими* забастовками.

Означенный документъ представляетъ собой *инструкцію по*

борьбу съ забастовками, разосланную губернаторамъ изъ неведомаго газетѣ центра.

Инструкція возлагаетъ на начальниковъ *полиціи* заботу о разрѣшеніи самыхъ серьезныхъ конфликтовъ въ промышленныхъ предприятияхъ. Забастовки, по мнѣнію авторовъ инструкціи, начинаются въ тѣхъ предприятияхъ, въ которыхъ условия труда оказываются болѣе тягостными и неравномѣрными, чѣмъ въ остальныхъ. *Губернская администрація* приглашается поэтому слѣдить за „равномѣрностью“ условий труда въ разныхъ предприятияхъ и, въ случаѣ нарушенія „равномѣрности“, „оказывать воздѣйствіе на фабричную администрацію“, чтобы послѣдняя установила „равномѣрность“ въ условияхъ расцѣнки, рабочей платы, сверхурочныхъ работъ, продолжительности рабочего времени и т. п.

На *полицію* возлагается инструкціей обязанность прежде всего и раньше всѣхъ слѣдить за настроеніемъ рабочихъ и быть въ курсѣ всѣхъ условий и вопросовъ ихъ жизни. Подъ угрозой строжайшаго наказанія полиція обязана при первыхъ же признакахъ волненія среди рабочихъ довести объ этомъ до свѣдѣнія губернской администраціи и фабричной инспекціи съ указаніемъ дѣйствительной причины волненія и „иниціаторовъ“. Дальнѣйшій порядокъ борьбы долженъ быть, согласно инструкціи, выработанъ губернской властью, причемъ строжайше возбраняются отдѣльныя выступленія фабричной инспекціи и заводской администраціи безъ вѣдома и согласія губернатора. Губернской же администраціи предписывается, чтобы взысканія на рабочихъ, разъ наложенныя, ни въ коемъ случаѣ не подвергались бы сложенію. Въ случаѣ, если забастовка не прекратится и предприятиемъ будетъ объявленъ расчетъ, администрація должна прослѣдить, чтобы расчетъ былъ дѣйствительно произведенъ въ назначенный срокъ. Если рабочіе не согласятся получить слѣдующія имъ деньги, то онѣ вносятся въ депозитъ суда. Самихъ же расчитанныхъ рабочихъ предлагается подчинить самому строгому наблюденію со стороны органовъ мѣстной полиціи, какъ „безработныхъ, принадлежащихъ къ наиболѣе безпокойному и сомнительному (!) элементу населенія“.

Въ соотвѣтствіи съ новымъ курсомъ инструкція рекомендуетъ почаще прибѣгать къ уголовному преслѣдованію „подстрекателей, зачинщиковъ и руководителей“ по ст.ст. 1359^а—1359^в. Прибѣгать къ суду рекомендуется потому, что уголовная репрессія производитъ на рабочихъ особое „впечатлѣніе“ (вотъ оно— „моральное дѣйствіе“ прокурора СІБ. окружного суда!). Авторы инструкціи совѣтуютъ лучше привлечь немногихъ рабочихъ, но обставить дѣло „по соглашенію съ прокуроромъ“ такъ, чтобы ударъ былъ безпроигрышный. Не рекомендуется прибѣгать къ процессамъ съ массой обвиняемыхъ. Такова отнынѣ знаменитая „инструкція“ таинственнаго происхожденія.

Невольно, при чтеніи ея, протираешь глаза. Ужъ не сонъ ли это? Дѣйствительно ли на инструкціи стоитъ дата—1913 г., а не—1903 г.? На самомъ дѣлѣ инструкція принадлежитъ къ новой эпохѣ Маклакова, а не къ далекимъ временамъ Плеваго?..

И кто авторъ ея? Неужто—Зубатовъ? Ужели „живъ курилка“? Но нѣтъ! Зубатовъ ушелъ въ небытіе. Воскресла *зубатов-*

щина. Возвращаются *зубатовскія времена*. Даже дорогой зубатовский экспериментъ ничему не научилъ нашу бюрократію. Въ своемъ безудержномъ попятномъ движеніи, въ своемъ безумномъ страхѣ передъ надвигающейся революціей, она возвращается—къ плевевскимъ временамъ... къ истокамъ революціи.

Кромѣ судебной расправы—ни одного новаго слова, ни одного новаго, еще неиспытаннаго и не потерпѣвшаго крушенія приѣма борьбы съ рабочимъ движеніемъ нѣтъ въ обширной инструкціи. Вмѣшательство полиціи въ мирныя экономическія стачки—да это плѣсенью пахнетъ, такъ старо! „Воздѣйствіе“ на фабрикантовъ съ цѣлью установленія „равномѣрности“ условій труда въ предприятияхъ...— Да вѣдь это московскіе эксперименты Зубатова 10 лѣтъ назадъ! Полиція должна слѣдить, быть въ курсѣ всѣхъ условій и т. д...—да вѣдь это знаменитое правило зубатовской политики: „чѣмъ интересуется революціонеръ, тѣмъ должна интересоваться и полиція!“—Возбраняется отдѣльное выступленіе фабричной инспекціи безъ вѣдома и согласія губернатора... ахъ, какъ старо! Минула вѣдь десятилѣтняя давность со времени подчиненія фабричной инспекціей администраціи... Запрещеніе фабрикантамъ вести самостоятельные переговоры со своими рабочими...—увы и это пахнетъ знакомой, постылой стариной „временъ Цусимскихъ и покоренья Портъ-Артура“. Все это было уже, все старо... Правъ былъ Макаровъ: „такъ было, такъ будетъ“—и не то еще будетъ...

Но правъ былъ также старикъ Марксъ. Историческія событія повторяются дважды: но въ первый разъ, какъ *трагедія*, во второй разъ—какъ жалкая *комедія*. То же и зубатовщина. 1913-й годъ—не 1903 г. Не тотъ рабочій классъ, что былъ.

Ну, а промышленники? Какъ встрѣтятъ *они*, тоскующіе по законности и „культурнымъ приѣмамъ управленія“ новую инструкцію? Какъ отнесутся къ воскрешенію зубатовской „идеи“ о рабочелюбивой бюрократіи, регулирующей отношенія труда съ капиталомъ, устанавливающей „своими средствами“ равномѣрность въ условіяхъ труда на фабрикахъ, запрещающей фабрикантамъ самостоятельно улаживать возникающіе у нихъ конфликты съ рабочими?—Увы, поведеніе просвѣщенныхъ и „прогрессивныхъ“ промышленниковъ заставляетъ думать, что наврядъ ли они отвѣтятъ теперь на новую зубатовщину такимъ же рѣзкимъ отпоромъ, какъ въ 1903 г. Промышленники тоже пока ничего не забыли и ничему не научились послѣ 1905 года...

Итакъ, возвращеніе къ „исконнымъ началамъ“ правительственной политики въ рабочемъ вопросѣ, политики *кнута и пряника*. Но наша бюрократія измѣнила бы себѣ, если бы не постаралась *подновить* старую политику свою, придать ей *европейскій лоскъ*. Одновременно съ разсылкой ново-зубатовской инструкціи, по сообщенію „Новаго Времени“, министромъ внутреннихъ дѣлъ внесенъ въ совѣтъ министровъ проектъ объ учрежденіи *примирительныхъ судовъ* для разрѣшенія споровъ между предпринимателями и рабочими. Къ участию въ судахъ „предполагается привлечь наиболѣе компетентныя и заинтересованныя нормаль-

нымъ теченіемъ рабочей жизни органы правительства съ предоставленіемъ имъ приглашать свѣдущихъ лицъ и представительство спорящихъ сторонъ“. Мотивируется это новшество необходимостью во 1) обезоружить подпольныя партіи, пользующіяся нынѣ „всякими поводами для возбужденія рабочихъ“ и во 2) сократить „область примѣненія административныхъ мѣръ, къ которымъ нынѣ принуждено прибѣгать правительство для подавленія острыхъ эксцессовъ рабочаго движенія“.

Итакъ—съ одной стороны, инструкторія, которая возлагаетъ разрѣшеніе „острыхъ эксцессовъ“ всецѣло на администрацію съ устраненіемъ даже фабричной инспекціи и заинтересованной стороны—фабрикантовъ, съ другой—законопроектъ о разрѣшеніи споровъ примирительнымъ судомъ. Можно ли сомнѣваться, что „умыселъ другой тутъ былъ“, что подъ видомъ примирительныхъ судовъ куются новыя цѣпи коалиціоннаго безправія рабочихъ, что реформаторская внѣшность прикрываетъ реакціонную контрабанду?

II

Наряду со все развертывающейся борьбой со стачечнымъ движеніемъ бюрократія продолжаетъ вести неутихающую и все болѣе ожесточенную борьбу съ другимъ видомъ рабочихъ коалицій—съ боевыми *организациями* рабочихъ. Если подъемъ стачечной волны вызвалъ усиленіе административной репрессіи за стачки и дополненіе ея судебной расправой, то новый расцвѣтъ профессиональнаго движенія вызвалъ и продолжаетъ вызывать неслыханныя преслѣдованія.

Оживленіе въ области союзнаго строительства—безспорное. Это вынуждена была признать и офиціозная „Торговопромышленная Газета“.

„Одновременно съ началомъ экономическаго забастовочнаго подъема въ рабочихъ кругахъ стало замѣтно стремленіе къ организаціи профессиональныхъ силъ. Въ общемъ, въ области профессиональнаго объединенія рабочимъ удалось многое, сравнительно съ минувшимъ періодомъ полнаго застоя. Слѣдуетъ отмѣтить настойчивость, съ которой рабочіе добивались осуществленія своихъ профессиональныхъ организацій: почти всѣ рабочія общества, закрытыя въ минувшемъ году, въ текущемъ году вновь возрождались и успѣвали скоро приобрѣсти свое прежнее вліяніе на рабочія массы“.

Оффиціозъ благоразумно умалчиваетъ при этомъ о густой сѣти колючихъ загражденій, черезъ которую должны продирааться профессиональные союзы, чтобы добиться своего «возрожденія», и о предательскихъ волчьихъ ямахъ, въ которыя неминуемо попадаютъ вновь возродившіеся союзы при первыхъ же попыткахъ взять на себя упорядоченіе стачечной борьбы. Яркія иллюстраціи невѣроятныхъ гоненій на рабочія организаціи содержатся въ запросѣ с. д. фракціи о преслѣдованіяхъ профессиональныхъ союзовъ. Приведу лишь нѣкоторые факты самаго послѣдняго времени.

Въ *Петербурѣ* на общихъ собраніяхъ союзовъ представители полиціи не позволяютъ обсуждать доклады или, въ видѣ снисхожденія, разрѣшаютъ дѣлать замѣчанія о докладахъ, но съ

мѣста. Въ рядѣ союзовъ полиція требуетъ представленія списковъ членовъ. Въ союзѣ булочниковъ, по предписанію градоначальника, произведена ревизія. Послѣ этого администрація потребовала отъ правленія представленія оправдательныхъ документовъ и храненія союзныхъ капиталовъ либо въ Государственномъ банкѣ либо въ Ліонскомъ кредитѣ. 15 ноября полиція нагрянула въ союзъ портныхъ, 16-го—въ союзъ металлистовъ, 20-го—въ союзъ печатниковъ...

Въ *Ригѣ* отъ всѣхъ рабочихъ обществъ администрація требуетъ представленія списка членовъ. Въ прежнее глухое время рабочія организаціи исполняли это незаконное требованіе. Теперь оно на общихъ собраніяхъ единогласно отклоняется. Предприимчивый губернаторъ тщетно пытался вынудить согласіе союза металлистовъ на выдачу списка нарочитой задержкой въ разрѣшеніи открыть юридическое бюро, бюро труда и др. учрежденія при союзѣ.

Въ *Москвѣ* — непрерывныя гоненія на рабочія организаціи. 4 ноября были произведены обыски сразу въ трехъ московскихъ союзахъ. Арестовано свыше 20 союзныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ секретарь и казначей союза мануфактуристовъ, секретарь союза хлѣбопекарей, секретарь союза кожевниковъ и т. д. 21-го ноября должно было состояться собраніе союза водопроводчиковъ, назначенное на 10 ч. утра. Представитель полиціи потребовалъ предъявленія членскихъ книжекъ и не пропускалъ тѣхъ, у кого не было отмѣтки объ уплатѣ членскаго взноса за предыдущій мѣсяць, хотя по уставу союза лишь не уплатившіе за 2 мѣсяца считаются выбывшими изъ общества. Ровно въ 10 ч. 15 мин. представитель полиціи закрылъ двери зала и потребовалъ открытія собранія. Предсѣдатель, не открывая собранія, разумѣется, предложилъ собравшимся разойтись.—Въ тотъ же день состоялось собраніе союза парикмахеровъ. Послѣ рѣчи одного оратора представитель полиціи *безъ предостереженія* закрылъ собраніе.—Правленію союза деревообдѣлочниковъ не даютъ собраться на томъ основаніи, что приставомъ не получено еще увѣдомленіе.—Въ другихъ московскихъ союзахъ отъ правленій требуютъ точнаго указанія дня и часа засѣданій.—19 ноября полиція явилась въ помѣщеніе О-ва торговыхъ служащихъ и переписала присутствующихъ. Всѣхъ, у кого не было при себѣ паспортовъ, отправили въ участки и продержали тамъ до 12 ч. ночи.—Послѣ такого же „визита“ полиціи закрытъ былъ недавно 3-ій женскій клубъ, въ которомъ участвовало до 700 членовъ. Закрыто также ко всеобщему недоумѣнію О-во нотаріальныхъ служащихъ! Задача, поставленная себѣ московской администраціей, ясна:—не дать укрѣпиться въ Москвѣ возродившемуся наперекоръ стихіямъ профессиональному движенію.

Въ *Лодзи* на организаціонное собраніе союза текстильщиковъ нагрянулъ нарядъ полиціи во главѣ съ начальникомъ жандармскаго управленія и арестовалъ 50 участниковъ собранія. Всѣ, кромѣ троихъ, были освобождены по удостовѣреніи личности. Можно-ли въ самомъ дѣлѣ допустить существованіе союза текстильныхъ рабочихъ въ Лодзи—*матери локаутовъ русскихъ*.

Въ *Ростовѣ* закрытъ союзъ портныхъ. Одновременно произведены массовые аресты.

Обращаетъ на себя вниманіе разгромъ *сибирскихъ* организацій торговыхъ служащихъ. Въ самое послѣднее время закрыто О-во *ачинскихъ* приказчиковъ и торговыхъ служащихъ, *Омское* О-во торговыхъ служащихъ, также просуществовавшее свыше 20 лѣтъ. На ликвидацію просуществовавшего 20 лѣтъ томскаго общества даны 2 недѣли! Безподобны мотивы его закрытія: 1) критика въ 1910 г. Гос. Совѣта по поводу законопроекта о нормальномъ отдыхѣ; 2) сношеніе въ 1911 г. съ другими сибирскими обществами объ организаціи сибирскаго съѣзда торговыхъ служащихъ, и, наконецъ, 3) участіе въ забастовкѣ Второвскихъ служащихъ уже въ 1913 г.!

Отрадный и несомнѣнный признакъ подъема профессиональнаго движенія—оживленіе союзнаго строительства въ далекой провинціи, гдѣ метла реакціи начисто вымела всѣ рабочія организаціи. Тутъ-то и стараются провинціальныя воеводы, тутъ-то и глушатъ они даже не ростки, а зародыши рабочихъ союзовъ! Въ ноябрѣ *Самарское* присутствіе сразу, въ одинъ присѣсть, отказало въ регистраціи 8-ми рабочихъ организацій, въ томъ числѣ, проф. союзамъ металлистовъ, булочниковъ, портныхъ, кондитеровъ, книгопечатниковъ, приказчиковъ зерновыхъ магазиновъ и т. п. *Пермское* присутствіе отказало въ регистраціи Екатеринбургскому о-ву торговыхъ служащихъ. Мотивы: включеніе въ перечень задачъ о-ва 1) содѣйствія умственному и духовному развитію членовъ, 2) устройства курсовъ, чтеній и т. п. Самое пикантное то, что *точно такой же* уставъ былъ зарегистрированъ *тѣмъ же* Пермскимъ Присутствіемъ, но только... въ 1907 году!

Регистрація союза печатниковъ въ Бахмутѣ въ маѣ текущаго года, какъ извѣстно, пробила брешь въ непроницаемой бронѣ *Екатеринославскаго* Присутствія, до того *не желавшаго* регистрировать какія бы то ни было рабочія организаціи въ губерніи. Но вотъ за печатниками потянулись другіе.. увы, не всегда съ успѣхомъ. На дняхъ отказано въ регистраціи союзу портныхъ въ томъ же Бахмутѣ. Мотивы отказа: 1) не точно указано, какъ именно понимается право членовъ О-ва на полученіе помощи во время безработицы; и 2) не добавлено къ уставу, что политическіе вопросы не входятъ въ программу дѣятельности. Второй пунктъ безспорно обезсмертитъ *Екатеринославское* присутствіе. Въ уставѣ перечислены, согласно требованію закона 4 марта, какія задачи *входятъ* въ программу дѣятельности общества, но перечислять въ немъ, какія *не* входятъ,—ни по буквѣ, ни по разуму закона не требуется. Увы, для Присутствія необязателенъ *ни разумъ закона, ни законы разума*. Необязательна даже простая послѣдовательность. Ибо 2-го ноября этимъ же присутствіемъ зарегистрированъ уставъ торговыхъ служащихъ *безъ* добавленія пункта объ отношеніи о-ва къ политическимъ вопросамъ, а 11 мая утверждёнъ уставъ вышеупомянутаго общества печатниковъ, въ которомъ *не* указано, „какъ понимается право на полученіе помощи во время безработицы“. *)

*) Кстати, *Екатеринославское* присутствіе, повидимому, хочетъ разъяснить Сенатское разъясненіе о правѣ выдачи пособій бастующимъ членамъ союза. Иначе, какой смыслъ имѣетъ требованіе присутствія разъяснить право членовъ на полученіе пособій во время безработицы?

И все таки движется! И все таки союзное строительство все усиливается въ провинціи. Основываются союзы въ Пензѣ (булочники), въ Тифлисѣ (союз сапожниковъ), въ Самарѣ и т. д.

III.

Стачечное движеніе въ октябрѣ пошло нѣсколько на убыль. Экономическія забастовки велись преимущественно въ мелкой промышленности и въ ремеслѣ. На основаніи данныхъ рабочихъ газетъ т. П.-К.—*овъ* составилъ слѣдующую таблицу стачекъ за октябрь:

Число стачекъ.

Петербургъ	40
Москва	18
Прибалт. и Привисл. край	5
Кавказъ	11
Остальная Россія	26

Итого .100

Приблизительное число бастовавшихъ, по подсчету т. П. К. — ова, — 15.048, приче́мъ на долю Москвы приходится почти столько же (4.120), сколько на Петербургъ (4.360).

Но въ ноябрѣ стачечное движеніе снова дѣлаетъ сильный скачекъ вверхъ. Мы не говоримъ о политическихъ стачкахъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ и Варшавѣ, а о стачкахъ чисто экономическихъ. Точнаго подсчета у насъ нѣтъ. Но, что число стачечниковъ въ ноябрѣ опять сдѣлало скачекъ вверхъ, видно уже изъ факта вовлеченія въ стачечный потокъ ряда крупныхъ предприятий и цѣлыхъ профессій. Остановимся коротко на стачкахъ послѣдняго мѣсяца.

Въ П. тн забастовали портовые грузчики. Агенты Русскаго Общества пароходства и торговли привезли для замѣщенія бастующихъ штрейкбрехеровъ-персовъ, преимущественно изъ Баку. Бастующіе рабочіе обратились ко всѣмъ рабочимъ организаціямъ съ призывомъ принять мѣры противъ вербовки штрейкбрехеровъ.

Разумѣется, полиція вмѣшалась, приняла мѣры для охраны „свободы труда“ штрейкбрехеровъ, а на бастующихъ обрушилась со всей силой репрессій.

Грандіозная забастовка грузчиковъ разразилась въ Царицынѣ. Забастовало свыше 10.000 грузчиковъ на 40 лѣсопильныхъ заводахъ въ Царицынѣ, Ельцианкѣ, Бекеровкѣ и Сарептѣ, требуя повышенія платы. Забастовка отличалась поразительнымъ упорствомъ, хотя бастующіе грузчики, въ большинствѣ — элементъ крайне разношерстный съ большой примѣсью темныхъ крестьянъ. Обь организованности нѣтъ и рѣчи, но бастующіе держатся стойко. С бранію рабочимъ не разрѣшали. Въ то же время хозяева непрерывно совѣщались между собой. На четвертой недѣлѣ забастовки полного соглашенія между хозяевами и рабочими достигнуто еще не было. Крупные лѣсопромышленники упорствуютъ, мелкіе идутъ на уступки. Когда мы пишемъ эти строки, обь исходѣ забастовки нѣтъ еще свѣдѣній.

По *Москву* прокатилась волна забастовокъ въ *золотосеребряномъ* производствѣ. Подъ вліяніемъ этихъ стачекъ состоялось совѣщаніе предпринимателей, на которомъ было постановлено вести точную регистрацію всѣхъ рабочихъ, увольняемыхъ за участіе въ забастовкахъ. Мѣра эта вызвана указаніемъ отдѣльныхъ предпринимателей на то, что *практика московскаго О-ва фабрикантовъ и заводчиковъ* въ дѣлѣ обмѣна списками „неблагонадежныхъ“ рабочихъ дала положительные результаты. Такъ сильные міра сего сблизяютъ малыхъ сихъ!.. *)

Крупная забастовка-локаутъ разыгралась въ *Ригѣ* на резиновой мануфактурѣ «Проводникъ», на которой работаетъ 11.000 рабочихъ. Забастовали 2 ноября работницы калошного отдѣленія. Причина забастовки—невыроятныя гигиеническія условія труда: отсутствіе вентиляціи, работа съ испорченнымъ бензиномъ и т. д. Незадолго до забастовки въ одинъ и тотъ же день съ 20 работницами случился обморокъ, 2 ноября одна работница лишилась чувствъ и, падая, расшибла голову о желѣзную раму. Вскорѣ она умерла отъ ранъ. Это и послужило сигналомъ къ забастовкѣ; 4 ноября работницы, не приступая къ работѣ, вызвали фабричнаго инспектора и, кромѣ того, потребовали вызова врачей-экспертовъ для установленія антисанитарныхъ условій труда. На требованія работницъ фабричная администрація отвѣтила *локаутомъ* всѣхъ бастующихъ въ числѣ 5.500 чел.

Любопытная подробность: „Проводникъ“ разослалъ во время забастовки по всѣмъ латышскимъ волостнымъ правленіямъ „для вывѣшиванія на видномъ мѣстѣ“ „зазывательный“, какъ выразился корреспондентъ „Н. Р. Г.“, циркуляръ-рекламу. Въ циркулярѣ безсовѣстно-фальшивыми красками рисуется благоденствіе рабочихъ на фабрикѣ и указывается на «постоянный спросъ на работницъ въ возрастѣ отъ 16 до 30 лѣтъ».

Впрочемъ, это не единственный случай использованія предпринимателями волостныхъ правленій для вербовки штрейкбрехеровъ изъ темной крестьянской среды.

Крупное общественное значеніе получила забастовка на *Обуховскомъ заводѣ въ СІБ*. Забастовка эта была предметомъ запроса въ Гос. Думѣ и еще не закончилась. Мы вернемся къ ней подробнѣе въ слѣдующій разъ. Отмѣтимъ только, что самый фактъ забастовки—почти непосредственно послѣ суда надъ обуховскими рабочими, привлеченными за первую забастовку этого года (29 іюля), лучше всякихъ разсужденій доказываетъ безцѣльность и бесплодность борьбы съ забастовками посредствомъ уголовныхъ законовъ. Стачка—естественный продуктъ экономическихъ отношеній, борьба съ забастовками то-же, что борьба съ морскими приливами. Эту простую истину уразумѣли наши государственные мужи въ 1905 г., но, увы, скоро позабыли. Единственно, чего добились авторы новаго курса—судебной расправы со стачечниками,—такъ это того, что обуховцы въ число своихъ

*) Впрочемъ, что подобаетъ Юпитеру не подобаетъ быку. Газеты сообщаютъ о распадѣ московскаго союза портныхъ, особенно усердно практиковавшаго, по примѣру О-ва фабрикантовъ, *черные стиски*. Причина распада—„слишкомъ строгія требованія“, предъявляемая хозяйскимъ союзомъ портныхъ къ мелкимъ хозяйчикамъ. Послѣдніе намѣрены организоваться *отдѣльно* отъ крупныхъ.

требованій включили требованіе непримѣненія къ нимъ ст. 1359⁵ уложенія о наказаніяхъ... Борьба противъ коалиціоннаго безправія переносится и въ отдѣльныя предпріятія. Таковъ результатъ новаго курса.

Н. Гарви.

Среди журналовъ.

1. Народники противъ капитализма.

Недавно при разборѣ новыхъ утопій лѣвыхъ народниковъ мнѣ приходилось также упомянуть о двухъ народническихъ старовѣрахъ, о г. Качаровскомъ, который „продолжаетъ твердить, что въ общемъ все обстоитъ благополучно и что законъ 9 ноября не поколебалъ, а скорѣе усилилъ социалистическія тенденціи трудового крестьянства“, и о г. Закѣ, который „откровенно требуетъ непосредственнаго объединенія мелкобуржуазныхъ элементовъ съ пролетарскими не только деревенскими, но и городскими, въ одну трудовую партію“. *) Обосновать это требованіе можно было при помощи все той же эклектики, которую я характеризовалъ въ той же статьѣ, какъ „разсматриваніе общественныхъ явленій не какъ одного цѣлаго со взаимной зависимостью частей одной отъ другой, а какъ отдѣльныхъ, развивающихся по своимъ особымъ законамъ частностей“.

Г. Закъ спеціальнѣйшій мастеръ по части подобной эклектики. Онъ не только не стремится объединить въ одно цѣлое наблюдаемыя имъ общественныя явленія, но даже насильственно разрываетъ ихъ тамъ, гдѣ связь ясно видна всякому другому, но не г. Заку. Подойдя съ такимъ методомъ къ изученію русскаго капитализма, онъ пришелъ къ тому выводу, что „русская промышленность въ общемъ и цѣломъ течетъ двумя руслами, или, что то же самое, управляется факторами двухъ различныхъ порядковъ“ **).

То, что рассказываетъ г. Закъ, не отличается ни глубиною мысли, ни новизною. Это все тѣ же старыя утвержденія народниковъ о невозможности развитія капитализма въ Россіи, отъ времени до времени подновляемыя какой нибудь новой статистической таблицей, или своеобразнымъ освѣщеніемъ новаго экономическаго факта.

*) Наша Заря, 1913, 9. Стр. 42—44.

***) С. Закъ. Очерки русскаго капитализма. Забѣты, 1913, 9 и 10.

Для г. Зака такимъ фактомъ послужилъ экономическій кризисъ конца 19-го и начала 20-го вѣка. Его критическіе выпады направлены, во-первыхъ, противъ г. Туганъ-Барановскаго, по мнѣнію котораго кризисъ долженъ былъ доказать, что „и въ Россіи наблюдается чередованіе оживленія и застоя торговли, и въ зависимости не отъ урожаявъ, а отъ фазисовъ промышленнаго цикла“, и, во-вторыхъ, противъ официальныхъ экономистовъ, которые были убѣждены, что нашъ кризисъ былъ

„повтореніемъ того же общаго закона развитія, который замѣчается въ торгово-промышленной жизни всѣхъ промышленныхъ націй въ теченіе послѣдняго столѣтія“.

Такъ какъ мы никогда не раздѣляли взглядовъ г. Тугана-Барановскаго на независимость нашего экономическаго развитія отъ урожаявъ; такъ какъ и разсужденія официальныхъ экономистовъ намъ во многомъ совершенно чужды, то мы могли предоставить г. Зака исключительно вниманію тѣхъ, кого онъ критикуетъ, еслибы г. Закъ остановился на своей критикѣ и не сталъ дѣлать выводовъ, очень пріятныхъ сердцу народническихъ старовѣровъ, но построенныхъ на произвольномъ разрываніи хозяйственныхъ явленій, тѣсно между собою связанныхъ, и на игнорированіи исторіи капиталистическаго развитія въ другихъ странахъ.

Г. Закъ думаетъ, что

„кризисъ, который долженъ былъ продемонстрировать естественность русскаго капитализма, его творческую силу и родственность капитализму всемірному, продемонстрировалъ какъ разъ противоположное“

и, между прочимъ, продемонстрировалъ это въ пикъ русскимъ марксистамъ. Намъ приходится, поэтому, разсмотрѣть, въ самомъ ли дѣлѣ демонстрація послѣдняго промышленнаго кризиса оказалась для русскихъ марксистовъ столь огорчительной.

Г. Закъ, изучивъ внѣ всякой взаимной связи вліяніе кризиса на „всѣ (?) отрасли русской промышленности“, раздѣлил ихъ на слѣдующіе три отдѣла:

„1) на отрасли, для которыхъ промышленный кризисъ прошелъ вовсе безслѣдно, такъ какъ онѣ увеличивались ежегодно на 3—4 процента, норму, во всякомъ случаѣ солидную; и это—главнымъ образомъ производства, обслуживающія массовое потребленіе широкихъ общественныхъ слоевъ; 2) на отрасли промышленности, которыя кризисъ задержалъ въ ростѣ, но не обратилъ въ свою жертву, куда относятся главнымъ образомъ, производства, обслуживающія нужды „средняго состоянія“ и лишь отчасти—капиталистическія и государственнo-общественныя; 3) наконецъ, въ послѣдній отдѣлъ слѣдуетъ отнести отрасли промышленности, производящія продукты отчасти потребленія высшаго слоя городского населенія, но главнымъ образомъ—капиталистическаго и государственнo-общественнаго приложенія; эти отрасли промышленности либо вовсе не развивались подъ вліяніемъ кризиса, а въ одномъ случаѣ даже сокращались, либо развивались почти незамѣтно.“

Къ послѣднему отдѣлу авторъ относитъ добычу и обработку же-

лѣза, добычу угля (которая, правда, даже нѣсколько повысилась за годы кризиса, но за счетъ вытѣсненія дровяного и нефтяного отопленія) и добычу нефти. Ко второму отдѣлу относится имѣ, главнымъ образомъ, сахарная промышленность, а къ первому—хлопчатобумажное производство. На основаніи совершенно недостаточнаго изученія только этихъ отраслей авторъ устанавливаетъ, что

„промышленный кризисъ, затянувшійся на все первое десятилѣтіе XX вѣка, коснулся, скорѣе, питался только отраслями промышленности, обслуживающими промышленность же, точнѣе, товаро-капиталистическое производство, во-первыхъ, и государственно-общественныя нужды, во-вторыхъ. Всѣ же остальные отрасли промышленности въ своемъ развитіи проходили разные этапы, но о серьезномъ вліяніи на нихъ промышленнаго кризиса нельзя говорить“.

А отсюда уже дѣлается выводъ о двухъ руслахъ или двухъ факторахъ, управляющихъ русской промышленностью.

По понятнымъ причинамъ мы лишены возможности привести здѣсь рядъ статистическихъ данныхъ, которыя совершенно измѣнили бы картину, представленную г. Закомъ. Мы можемъ удовлетвориться констатированіемъ слѣдующихъ фактовъ: Во-первыхъ, авторъ все время говоритъ о цѣломъ десятилѣтіи (1899—1909 г.г.), которое отнюдь не было сплошь десятилѣтіемъ промышленнаго кризиса, а довольно различныхъ промышленныхъ конъюнктуръ. Во-вторыхъ, деревня, о бѣдности и задолженности которой написаны цѣлые томы, вдругъ, по словамъ автора — народника, превратилась въ первомъ десятилѣтіи двадцатаго вѣка въ настоящую обѣтованную землю, удерживающую у себя свой хлѣбъ для того, чтобы не получать за него денегъ, на которыя пришлось бы покупать сахаръ, керосинъ, орудія и т. под.: деревня, очевидно, для поддержанія народнической утопіи сговорила не помогать промышленникамъ выбраться изъ кризиса *). Въ-третьихъ, авторъ совершенно упускаетъ изъ виду, что къ анализируемому имъ десятилѣтію относятся годы японской войны, революціи, аграрной реформы, оказавшія несомнѣнное вліяніе на развитіе различныхъ отраслей промышленности и взаимотношеніе города и деревни, а, слѣдовательно и на формы развитія кризиса. Въ-четвертыхъ, не только въ Россіи, но и въ другихъ капиталистическихъ странахъ кризисъ охватываетъ всю промышленность, а сначала „питается“ тѣми отраслями, которыя основательнѣе всего захвачены капиталомъ, причемъ и тамъ пѣлый рядъ отраслей промышленности, проходя различные этапы, можетъ остаться внѣ серьезнаго воздѣйствія кризиса. Авторъ, чтобы доказать свою мысль о двухъ факторахъ, долженъ былъ бы продѣлать именно это сравненіе съ другими капиталистическими странами, особенно съ такими, хозяйственная организація которыхъ близко напоминаетъ хозяйственную организацію Россіи. Вѣроятно же всего, для этой цѣли ему пришлось бы встать на

*) Эту теорію авторъ развиваетъ во второй своей статьѣ въ № 10 журн. „Завѣты“.

историческую почву, т. е. сравнить нынѣшнюю Россію съ Германіей, скажемъ, хотя бы, середины или семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Но именно на исторической почвѣ онъ бы провалился. Здѣсь пришлось бы рассказать исторію развитія капитализма въ разныхъ странахъ, какъ и исторію кризисовъ, и читателю бы стало ясно, что нельзя говорить о какомъ то абстрактномъ капитализмѣ, который развивается съ извѣстной постепенностью, охватывая одну отрасль за другой, создавая и расширяя свой рынокъ, развивая всякій разъ свойственныя ему внутреннія противорѣчія, приводящія между прочимъ и къ кризисамъ, напряженность которыхъ вовсе не всегда одинакова, а зависитъ отъ стѣпени развитія капитализма въ данной странѣ и въ данной отрасли.

Относительно Россіи самъ г. Закъ принужденъ признать, что къ отраслямъ промышленности, которыхъ кризисъ коснулся, относится добыча желѣза и угля, т. е. тѣхъ отраслей, капиталистическій характеръ которыхъ не отрицаетъ никто. Но мало того. Это тѣ именно отрасли промышленности, которыя и во всѣхъ странахъ прежде всего захватываются капиталомъ. „Одной изъ первыхъ отраслей промышленности, которыя цѣликомъ захватываются и реорганизируются капиталомъ,—говоритъ П. Масловъ—является горнозаводское дѣло“ ¹⁾, главныя продукты котораго—каменный уголь и желѣзо. На отрасляхъ промышленности, не захваченныхъ еще капиталомъ или тѣхъ, которыя могутъ еще питаться развитіемъ массоваго внутренняго рынка, промышленный кризисъ отзывается только рикошетомъ. Это, конечно, не отрицаютъ и марксисты. Суть только въ томъ, что дальнѣйшее развитіе этого самаго внутренняго рынка приводитъ ко все большему проникновенію капитала во все большее число производствъ и соотвѣтственно и къ большій опустошительности вліянія кризисовъ.

Г. Закъ спасается отъ признанія этого факта тѣмъ, что указанныя отрасли промышленности, по старо-народническому шаблону, относятся къ удовлетворяющимъ преимущественно государственныя потребности. Этимъ хотятъ сказать, что желѣзо и уголь требуется преимущественно на постройку желѣзныхъ дорогъ, которыя строятся правительствомъ. Но не говоря уже о томъ, что постройка желѣзныхъ дорогъ правительствомъ не мѣшаетъ имъ стать могучимъ факторомъ проникновенія мѣноваго хозяйства въ самые отдаленные уголки и такимъ о бразомъ содѣйствовать дальнѣйшему развитію капитализма,—странно слышать надежду на спасеніе Россіи отъ капитализма черезъ отказъ отъ постройки желѣзныхъ дорогъ.

Отказъ отъ желѣзныхъ дорогъ, да отказъ мужика отъ потребления изготовленныхъ городомъ плуговъ, серповъ, лопатъ, сахара, коро-

¹⁾ П. Масловъ. Теорія развитія народнаго хозяйства, стр. 311.

сина и т. д.—таковы могли бы быть единственные средства избавленія Россіи отъ капитализма, если бы на нашихъ глазахъ не происходило завоеваніе Китая европейскимъ капиталомъ. Такъ какъ китайцы долго сами не желали строить у себя желѣзныя дороги, то къ нимъ явились англійскіе, французскіе и нѣмецкіе строители. Осуществленіе народнической утопіи означало бы, если бы оно было возможно, такое же завоеваніе Россіи иноземнымъ капиталомъ.

2. Г. Рыкачевъ за капитализмъ.

Г. Рыкачевъ, конечно, не чета г. Заку. Онъ пѣвецъ капитала и готовъ слагать оды въ его честь. Въ объятія капитала зоветь онъ уже не первый годъ русскую интеллигенцію. Но она или совсѣмъ не идетъ, а если идетъ, то „у большинства изъ нихъ нѣтъ подлиннаго сознанія, что они служатъ своему, а не чужому дѣлу“. А нѣтъ у нихъ этого сознанія потому, думаетъ г. Рыкачевъ, что вокругъ этого дѣла скопилась масса предрасудковъ. И съ этими предрасудками г. Рыкачевъ борется. ¹⁾

Первый предрасудокъ состоитъ въ томъ, что „предпринимательская дѣятельность толкуется, какъ наиболѣе совершенное выраженіе чистаго экономическаго мотива. По этому взгляду, купецъ и промышленникъ руководятся и должны руководиться только однимъ правиломъ: какъ можно дешевле покупать, какъ можно дороже продавать, какъ можно больше выручать.“ И г. Рыкачевъ изъ всѣхъ силъ старается доказать, что у промышленника имѣется и другой мотивъ—пріумноженіе капитала. Вы улыбаетесь, читатель? Нѣтъ, г. Рыкачевъ это говоритъ совершенно серіозно. „Живой, а не абстрактный предприниматель,—утверждаетъ онъ,—думаетъ не только о нормѣ прибыли, но и о пріумноженіи денежнаго капитала, и не только о пріумноженіи денежнаго капитала, но также объ упроченіи и расширеніи натурального субстрата, въ который вложенъ и съ которымъ вмѣстѣ растетъ и живетъ его денежный капиталъ“. Удивительно, какъ безпомощенъ въ данномъ случаѣ г. Рыкачевъ, который вообще говоря за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Какъ будто „наши предубѣжденія“ придавили и его и онъ не смѣетъ ясно и опредѣленно сказать, чего именно онъ хочетъ.

Рѣчь идетъ о національныхъ задачахъ капитала. У Маркса въ „Манифестѣ“ онѣ выросли въ цѣлую революціонную программу. Но въ томъ то и дѣло, что капиталъ, выполняющій свою революціонную задачу, ни у кого не ищетъ оправданія и меньше всего занимается самооправданіемъ. Но другое дѣло, капиталъ, отказавшійся отъ

¹⁾ А. Рыкачевъ. О нѣкоторыхъ нашихъ предубѣжденіяхъ. Р. М. 1913, октябрь, стр. 29—48.

своей исторической задачи или оказавшейся бессильнымъ ее выполнить. Онъ тогда не поставленную историческую задачу разрушенія старыхъ основъ рѣшаетъ, а выполняетъ выпавшую на его долю функцію приумноженія національнаго капитала, на основѣ котораго будетъ развиваться новая культура, уже новыми людьми. Для такого Обломова капитализма дѣйствительно приходится просить снисхожденія и г. Рыкачевъ эту обязанность выполняетъ съ большею или меньшею ловкостью, говоря:

„Задача капиталистическаго предпріятія заключается въ использованіи натуральныхъ источниковъ и средствъ богатства путемъ привлеченія къ этимъ натуральнымъ источникамъ покупательной силы трудящихся“.

Низкій поклонъ г. предпринимателю за то, что онъ своихъ денегъ не закопалъ въ землю, а нанялъ рабочихъ, построилъ фабрику, купилъ машины и затѣмъ отправилъ на рынокъ не только затѣмъ, чтобы получить законную норму прибыли, но и приумножить капиталъ, т. е. выстроить новую фабрику, купить новыя машины и т. д.! Низжайшій поклонъ ему!

„Второй предразсудокъ въ отношеніи предпринимательской дѣятельности заключается въ утвержденіи ея паразитическаго характера“, говоритъ г. Рыкачевъ. Главными виновниками такого предразсудка оказалось марксисты, отношеніе которыхъ къ предпринимательской дѣятельности, по мнѣнію г. Рыкачева, несостоятельно въ самой логической основѣ, такъ какъ

„марксисты, съ одной стороны, клеймятъ предпринимателей именемъ эксплуататоровъ, и съ другой—считаютъ частно—предпринимательскую дѣятельность исторически необходимымъ этапомъ въ развитіи общественно—производительныхъ силъ“.

Именно съ точки зрѣнія марксистской философіи исторіи—говорить дальше г. Роскачевъ—предпринимательская дѣятельность должна быть признана столь же благороднымъ поприщемъ служенію народному благу, какъ и дѣятельность по организаціи народныхъ массъ для борьбы съ капиталомъ“.

Если признаешь необходимость капитализма, то признай, что капитализмъ благороднѣйшій двигатель общественнаго прогресса и иди къ нему на помощь. Старый заѣзженный доводъ, который уже использованъ достаточно въ давнишнихъ спорахъ народниковъ ихъ съ марксистами. Прогрессъ состоитъ развѣ въ томъ, что г. Рыкачевъ признаетъ равноцѣнность предпринимательской дѣятельности и организаціи массъ для борьбы съ этой дѣятельностью. Но вѣдь тутъ можно найти ту же самую несостоятельность въ логической основѣ: если развитіе капитализма признано какъ историческая необходимость, то борьба съ капиталомъ должна быть отстранена, какъ явленіе вредное. Послѣдовательно г. Рыкачевъ долженъ былъ бы разсуждать именно такимъ образомъ. И если онъ этого не дѣлаетъ, то потому, что въ одномъ случаѣ признаетъ ту самую діалектику, которую

въ другомъ случаѣ отрицаетъ. Исторически закономѣрны и развитіе капитализма, и борьба съ нимъ, и если на одномъ полюсѣ концентрируется инициатива и энергія, и на другомъ—дряблость и несостоятельность, то и здѣсь причину надо искать въ исторической закономѣрности, а не въ субъективныхъ пожеланіяхъ. Вѣдь не только въ области чисто предпринимательской, но и во всѣхъ другихъ сферахъ частной и общественной жизни представители русскаго капитала обнаружили до сихъ поръ отсутствіе широкой инициативы, которой не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ широкихъ общественныхъ идеаловъ, Почему у русскаго капитала такихъ идеаловъ нѣтъ, это уже изъ другой оперы. Но только хлопочущему около этого капитала г. Рыкачеву не мѣшало бы вспомнить исторію „капиталистическаго предпринимателя“ въ Англии, во Франціи и даже въ Германіи. Тогда онъ, можетъ быть, понялъ бы, почему тамъ социалистическія ученія не могли помѣшать притоку предприимчивыхъ и энергичныхъ людей въ ряды „умножателей капитала“.

Г. Рыкачевъ придерживается обратнаго взгляда. Онъ полагаетъ, что русскій капитализмъ имѣетъ извѣстныя преимущества передъ своими европейскими и американскими предшественниками. „Капитализмъ русскій—говоритъ онъ—долженъ быть и будетъ еще въ большей степени продуктомъ преднамѣреннаго національнаго культивированія“. А для того, чтобы онъ дѣйствительно сталъ такимъ „продуктомъ“, г. Рыкачевъ предсказываетъ ему слѣдующія двѣ идеальныя задачи или, какъ онъ говоритъ, „общечеловѣческія цѣли“:

„развитіе производительныхъ силъ, съ одной стороны, усовершенствованіе системы экономическаго соперничества и экономической коопераціи—съ другой стороны“.

Задача такимъ образомъ вывернута на изнанку. Общечеловѣческія цѣли, которыя ставятъ себѣ европейскій капиталъ, были, какъ извѣстно, — „свобода, равенство и братство“, а въ результатъ этихъ поставленныхъ себѣ цѣлей явилось „развитіе производительныхъ силъ“ и „экономическая кооперація“, чаще всего не въ томъ видѣ, какъ это рисовалось съ точки зрѣнія „общечеловѣческихъ цѣлей“. Но самое существованіе этихъ цѣлей служило импульсомъ къ широкой общественной работѣ, расчищавшей путь и для развитія производительныхъ силъ и для экономической коопераціи. Русскій капиталъ, по мнѣнію г. Рыкачева, начинаетъ какъ разъ съ этого конца, но для этой роли совершенно достаточно присутствіе безличнаго капитала, тогда какъ роль „капиталистическаго предпринимателя“ сводится къ нулю.

Л. Сьдовъ.

Задачи социальдемократической фракции в области страхования рабочихъ.

Министерствомъ Торговли и Промышленности вновь выдвигается вопросъ *о страхованіи рабочихъ на случай старости и инвалидности*. Когда въ 1905 г. рабочее движеніе достигло большой напряженности, правительство спѣшно выработало рядъ законопроектовъ по рабочему вопросу, въ частности и законопроектъ по страхованію на случай инвалидности. Но стоило понизиться волнѣ рабочаго движенія, какъ этотъ послѣдній былъ взятъ обратно и уже больше къ нему не возвращались. Теперь, съ введеніемъ страхованія на случай болѣзни и на случай увѣчій, скорѣйшее введеніе страхованія отъ инвалидности особенно необходимо. Надѣятыся однако, что въ Министерствѣ скоро будетъ выработанъ законопроектъ, нѣтъ никакихъ основаній, мы думаемъ, однако, что одна изъ ближайшихъ задачъ социальдемократической фракціи въ области страхованія—*внесеніе законопроекта по страхованію на случай старости и инвалидности*.

Но внесеніе этого законопроекта должно быть тѣсно связано съ реформой закона 23 іюня. Опытъ германскаго страхованія доказываетъ, что раціональная постановка врачебной помощи рабочимъ возможна только тогда, когда этой помощью вѣдаютъ больничныя кассы и когда существуетъ при этомъ страхованіе отъ инвалидности. Самая распространенная среди рабочихъ болѣзнь—чахотка—въ Германіи перестала быть такимъ зломъ, какъ у насъ напримѣръ, благодаря только тому, что рядомъ съ общимъ улучшеніемъ условій рабочей жизни, больничныя кассы въ связи съ инвалидными кассами имѣютъ возможность организовать борьбу съ туберкулезомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Это было бы совершенно немислимо, если бы въ Германіи не существовало страхованія отъ инвалидности и врачебная помощь была отдѣлена отъ больничныхъ кассъ. И коренной недостатокъ нашего страхованія отъ болѣзней именно и заключается въ этомъ отдѣленіи. Реформа закона въ этомъ пунктѣ крайне необходима и потому рядомъ съ законопроектомъ по страхованію отъ инвалидности фракція должна, по нашему, внести *новеллу о передачѣ врачебной помощи въ руки рабочихъ*.

Если мы предлагаемъ это вниманію фракціи, то отнюдь не потому, что мы надѣемся на проведеніе указаннаго законопроекта и новеллы чрезъ 4-ую Думу, а потому что и то и другое можетъ оказать большое вліяніе на современное страховое движеніе. Во всей Россіи послѣднее такъ или иначе существуетъ и необходимо ввести въ него единство и углубить это движеніе.

Намъ скажутъ, что для этихъ цѣлей лучше всего внести общій законопроектъ по всѣмъ видамъ страхованія, такъ какъ это, съ одной стороны, не какое нибудь частичное, урѣзанное

требованіе, а съ другой стороны, это можетъ внести какъ разъ то единство въ страховую кампанію, котораго не хватаетъ и придать ей принципиальный характеръ. Мы рѣшительно не согласны съ этимъ.

Прежде всего, внесеніе общаго законопроекта, частичнаго или какой-нибудь новеллы ничѣмъ по существу, съ точки зрѣнія урѣзанныхъ и неурѣзанныхъ лозунговъ, не отличаются другъ отъ друга.

Мы понимаемъ большевиковъ, когда они подходятъ къ каждому требованію съ точки зрѣнія урѣзанныхъ и неурѣзанныхъ лозунговъ. Они, конечно, могутъ возразить, что новелла—это „урѣзанный“, а общій законопроектъ—это неурѣзанный лозунгъ. Но вѣдь съ такимъ ариеметическимъ марксизмомъ нельзя же серьезно считаться. Можно только сказать, что онъ является оправданіемъ непослѣдовательности, такъ какъ, если бы большевики были послѣдовательны, то они должны были бы считать и общій законопроектъ по страхованію частичнымъ, урѣзаннымъ лозунгомъ, такъ какъ онъ не является однимъ изъ тѣхъ трехъ лозунговъ, на которыхъ, какъ на трехъ китахъ, стоитъ большевизмъ. Если такимъ образомъ быть послѣдовательнымъ, то съ большевистской точки зрѣнія нельзя видѣть принципиальнаго различія между общимъ законопроектомъ и частичнымъ или новеллой.

Еще менѣе основаній меньшевизму устанавливать это различіе.

Мы оцѣниваемъ каждый шагъ социальдемократіи постольку, поскольку онъ въ данное время выдвигаетъ конкретное требованіе жизни, поскольку онъ это требованіе связываетъ съ общей линіей социальдемократіи и поскольку это требованіе глубоко задѣваетъ массу и т. о. поскольку оно полезно съ агитаціонной и организационной точки зрѣнія.

Одной пропагандистской задачей мы не ограничиваемся. Мы считаемъ, что только въ борьбѣ за повседневные лозунги мы можемъ достигнуть нашей основной цѣли, а не въ борьбѣ только за абстрактные лозунги. Въ этомъ главное отличіе нашей тактики отъ большевистской.

Не можемъ мы и на наше „законодательствованіе“ смотрѣть иначе.

Вотъ почему мы можемъ въ Думѣ выдвигать законопроекты не только програмнаго характера, не только такіе, какъ проектъ о свободѣ стачекъ, но даже самые мелкіе законопроекты, будь это новелла о введеніи какого-нибудь § 1 въ дѣйствующій законъ или объ отмѣнѣ какого-нибудь пункта закона и т. п.

Для насъ важно, повторяемъ, оцѣнить: имѣетъ ли внесеніе *даннаго* законопроекта агитаціонно-организационное значеніе или нѣтъ, подвигаетъ ли это насъ впередъ къ намѣченной задачѣ въ данной области.

Дѣлать требованія на урѣзанныя и неурѣзанныя въ этомъ смыслѣ нельзя. Можно внести самый неурѣзанный законопроектъ и онъ можетъ иной разъ имѣть меньшее значеніе, чѣмъ какой-нибудь частичный законопроектъ. Дѣлать *принципиальное* отличіе общаго законопроекта о страхованіи отъ частичнаго нѣтъ, по нашему мнѣнію, никакихъ основаній. Съ нашей точки зрѣнія, внесеніе въ данный моментъ общаго законопроекта по страхо-

ванію только тогда имѣло бы смыслъ, если бы было внесено рядомъ съ этимъ нѣсколько частичныхъ законопроектовъ, главнымъ образомъ тѣхъ, о которыхъ мы говорили въ началѣ. Не исключаются и другія, какъ новелла объ общей кассѣ, о расширеніи круга страхуемыхъ и пр.

Внесеніе же только одного законопроекта по всемъ видамъ страхованія, по нашему, можетъ принести даже вредъ. И то пропагандистское значеніе, какое онъ имѣетъ, можетъ парализоваться. Исходимъ мы изъ того, что до сихъ поръ не изжито бойкотистское настроеніе къ страховому закону. Мы то и дѣло читаемъ, что тутъ подали пустые бюллетени, тамъ сожгли бюллетени, въ третьемъ мѣстѣ никто не явился на избирательное собраніе и т. д. Это такъ сказать *прямой* бойкотъ. Еще сильнѣе живетъ полубойкотистское отношеніе.

Въ основѣ его лежитъ недовѣріе къ своимъ силамъ или, вѣрнѣе, отсутствіе вѣры въ возможность длительной организованной борьбы за проведеніе страховыхъ лозунговъ. И на этой почвѣ создается стремленіе итти по линіи наименьшаго сопротивленія. На этой почвѣ приобрѣлъ популярность лозунгъ въ Петербургѣ „*общегородская касса*“. Рабочіе вѣрятъ, конечно, въ силу массъ, и въ возможность массовыхъ выступленій, вѣрятъ и въ силу этихъ выступленій. Совсѣмъ другое дѣло: организованная повседневная борьба за опредѣленную задачу. Она неукладывается въ форму резолюціи протеста или забастовки. Она требуетъ творчества въ борьбѣ, разнообразія приемовъ, упорства и т. д. Недавно мнѣ пришлось говорить съ членомъ правленія одной изъ дѣйствующихъ Петербургскихъ кассъ. На мой вопросъ, чѣмъ объясняетъ онъ такое сочувствіе лозунгу общегородской кассы, онъ отвѣтилъ приблизительно такъ:

— Лозунгъ „*общегородская касса*“ связывается у малосознательныхъ рабочихъ съ вѣрой, что кто-то за нихъ все обдумаетъ и организуетъ.

Въ этихъ словахъ правильное пониманіе психологіи рабочихъ, не прошедшихъ еще организаціонной школы. Лучшимъ доказательствомъ служитъ рѣчь одного правдиста на общемъ собраніи печатниковъ, гдѣ былъ поставленъ вопросъ объ общегородской кассѣ (цитирую погаз. „За Правду“):

„Т. Бондарчукъ указалъ на то, что печатники вовсе не такъ хорошо организованы, какъ говорили предыдущіе товарищи. Вѣдь, печатники крупныхъ предпріятій, съ которыхъ и начинаютъ у насъ проводить страхованіе, какъ разъ являются совсѣмъ неорганизованными, что дѣлается у Кирхнера? Тамъ, около тысячи рабочихъ, а въ союзѣ никого, только на этой недѣлѣ явилось 6 чел., а другія крупныя предпріятія и сейчасъ не являются въ о-во. Развѣ это хорошая организація?“

Отсюда дѣлается выводъ, что надо бороться за общегородскую кассу, а не за групповую!

Мы не хотимъ сказать, что лозунгъ „*общегородская касса*“ — есть вообще лозунгъ линіи наименьшаго сопротивленія. Ничего подобнаго. У насъ рѣчь идетъ только о Петербургѣ. Здѣсь этотъ лозунгъ является таковымъ, такъ какъ весь ходъ кампаніи ставилъ другіе лозунги. И такъ какъ этотъ лозунгъ отвѣчаетъ упомянутой психологіи рабочихъ, онъ и находитъ себѣ

мѣсто въ резолюціяхъ. Онъ вовсе не указываетъ на готовность рабочихъ упорно бороться за этотъ лозунгъ.

Лозунгъ „общегородская касса“ въ цѣломъ рядѣ другихъ городовъ органически связанъ съ ходомъ всей страховой кампаніи, такъ что тамъ это болѣе или менѣе органической лозунгъ.

Если мы посвятили особое вниманіе вопросу объ общегородской кассѣ въ Петербургѣ, то сдѣлали это для того, чтобы подчеркнуть что, если въ грубомъ смыслѣ слова, бойкотъ страхованія изжитъ, то курилка все же живъ и только появляется не въ голомъ видѣ, а какъ бы заkostюмированный.

Уже былъ фактъ, когда онъ сбрасывалъ свой костюмъ и являлся въ своемъ первобытномъ видѣ. На заводѣ Сименсъ и Гальске рабочіе сначала имѣли въ виду бороться еще съ 3 предприятиями за общую кассу 4-хъ предприятий, но подъ влияніемъ лозунга, „общегородская касса“, они отказались отъ этого, а когда дѣло дошло до избраніи уполномоченныхъ для выслушанія устава, то рабочіе зав. Сим. и Гальске бойкотировали выборы.

Внесеніе общаго законопроекта можетъ какъ разъ ослабить борьбу, которая ведется теперь, какъ ее ослабилъ въ П-гѣ лозунгъ „общегородская касса“, и т. о. способствовать бойкотистскому настроенію.

И мы боимся, что создается какъ разъ тапсихологія массъ, о которой мы выше говорили: зачѣмъ намъ бороться по мелочамъ, лучше за новый законъ! Если бы *эта* борьба была теперь возможна, то мы ничего не имѣли бы противъ внесенія законопроекта. Но мы не видимъ этихъ возможностей и внесеніе законопроекта не сорганизовало бы пролетаріатъ для этой борьбы. Онъ вызвалъ бы лишь поверхностное колебаніе пролетарскихъ массъ и еще болѣе усилилъ бы то полубойкотистское настроеніе, которое не изжито.

Совершенно иной характеръ приметъ внесеніе общаго законопроекта, если рядомъ съ этимъ будутъ внесены частичные законопроекты и новеллы.

Съ одной стороны—будутъ выдвинуты опредѣленные конкретные лозунги — которые вытекаютъ изъ хода всей кампаніи, а съ другой стороны, будетъ внесено *единство* въ эту кампанію. Общій законопроектъ при этомъ пріобрѣтаетъ болѣе *актуальное* значеніе.

Говоря о конкретныхъ лозунгахъ въ страховой кампаніи, мы не имѣемъ въ виду только тѣ лозунги, которые сейчасъ уже наиболѣе выдвинулись, какъ: общія кассы, расширеніе самоуправленія и т. д.; нѣтъ, задача фракціи внести и такіе законопроекты, которые бы расширяли кампанію, обобщали ее новымъ содержаніемъ. Въ этомъ смыслѣ и наше предложеніе внести частичный законопроектъ о страхованіи отъ инвалидности—новеллу о передачѣ врачебной помощи въ больничныя кассы.

Внесеніе при такихъ условіяхъ общаго законопроекта еще болѣе расширитъ кампанію и внесетъ въ нее освѣщеніе и единство.

Мы, повторяю, совсѣмъ не думаемъ, что внесеніе общихъ и частичныхъ законопроектовъ можетъ имѣть какой нибудь успѣхъ

въ Думѣ *) и не сомнѣваемся, что все, внесенное въ Думу с.-д., будетъ отправлено нашими «конституціоналистами» въ архивъ, гдѣ хранится уже не мало с.-д. добра, но для насъ не безразлично, какъ и что будутъ хоронить въ Думѣ. Можно похоронить послѣ горячей схватки съ противниками, можно похоронить и безъ всякихъ преній.

Итакъ, по нашему, внесеніе одного декларативнаго общаго законопроекта по страхованію можетъ усилить не изжитое еще бойкотистское настроеніе, внесеніе же въ связи съ общимъ законопроектомъ частичнаго законопроекта о страхованіи отъ инвалидности отдѣльныхъ лицъ и новеллъ очень своевременно и это помимо всего прочаго придастъ общему законопроекту болѣе актуальное значеніе.

М. Леонтьевъ.

На грани двухъ міровъ.

То, что рабочее движеніе является главнѣйшимъ нервомъ или, выражаясь на соответствующемъ жаргонѣ, — „факторомъ“ современной міровой жизни, — отважатся отрицать лишь немногіе. Но для многихъ и многихъ очень сомнительнымъ является вопросъ о культурной цѣнности этого движенія. Упреки, бросаемые всевозможными Рѣкушами социализму въ томъ, что онъ неспособенъ къ самостоятельному творчеству, что онъ духовно импотентенъ и т. п. — успѣли уже стать общимъ мѣстомъ и, къ всѣмъ общія мѣста, обнаружить присущую имъ двойственность: плоскость и вульгарность опредѣленія несомнѣннаго ядра истины.

Подобнаго рода небольшое ядро имѣется и здѣсь, въ этихъ упрекахъ: грандіозное пролетарское движеніе, дѣйствительно, не имѣетъ своей культуры художества.

Мы уже привыкли встрѣчать въ литературѣ терминъ: пролетарское искусство, пролетарская культура и т. п. Къ сожалѣнію, терминъ эти не были намъ разъяснены, и мы видѣли ихъ всегда лишь въ сопровожденіи восторженныхъ и горделивыхъ восклицательныхъ знаковъ, которые, конечно, могли очень мало сказать „уму и сердцу“.

Но чѣмъ больше росъ социализмъ въ ширь и въглубь, тѣмъ все явственнѣе становилось, что одними знаками восклицанія не отдѣлаться отъ трагически сложнаго и многограннаго вопроса о взаимоотношеніи двухъ міровъ, двухъ культурныхъ типовъ исторіи...

Въ нѣмецкой социалистической литературѣ уже не разъ возгоралась такая полемика по вопросу о классовомъ характерѣ искусства, о художествѣ пролетарскомъ и буржуазномъ, причѣмъ — horrible dictu! — въ „Neue Zeit“ эпитетъ пролетарскій былъ заключенъ въ ехидно-скептическія кавычки. Въ редактируемыхъ

*) Успѣхъ опредѣляется только давленіемъ извнѣ.

Ф. Мерингомъ фельетонахъ этого журнала, цѣлый рядъ марксистовъ съ большой осторожностью высказался о „посрамленіи“ буржуазной культуры и очень насмѣшливо отозвался объ истерическихъ декламацияхъ на тему о невѣдомомъ пролетарскомъ искусствѣ“¹⁾.

Но все же, до сихъ поръ въ этой области не было договоренности, не было исчерпывающаго обобщенія, которое охватило бы широко и всесторонне, какъ это имѣетъ мѣсто въ марксизмѣ, при оцѣнкѣ всѣхъ общественныхъ явленій,—этотъ значительный не только для одного социализма вопросъ.

Русская марксистская мысль можетъ гордиться тѣмъ, что ей принадлежитъ честь почина если не въ созданіи, то въ попыткѣ созданія подобнаго обобщенія. Я говорю о статьѣ А. Н. Потресова, опубликованной около 3-хъ мѣсяцевъ тому назадъ въ журналѣ „Наша Заря“.²⁾

То, что за такой сравнительно долгій, промежутокъ времени замѣчательная статья эта не вызвала никакихъ откликовъ въ печати, не заинтересовала передовыхъ рабочихъ и интеллигентскихъ круговъ,—является печальнымъ подтвержденіемъ одного изъ положеній этой статьи: при развитомъ и развивающемся движеніи пролетаріата неизбѣжно „слабое развитіе всей неприглядной стороны его общественной идеологии“.

Эта формула является непосредственнымъ выводомъ изъ положенія пролетаріата въ современной капиталистической общестственности, которое, въ статьѣ Потресова охарактеризовано съ исчерпывающей и всеохватывающей глубиной. Изложить содержаніе этой статьи, значило бы перепечатать ее цѣликомъ: въ десяти ея страницахъ нѣтъ ни одного лишняго слова, ни одной запятой, которой можно было бы пренебречь, какъ чѣмъ-то не относящимся къ дѣлу. Я поэтому долженъ ограничиться лишь указаніемъ на основныя положенія очерковъ А. Н. Потресова, не останавливаясь на убѣдительной и богатой аргументаціи.

„Мировое движеніе пролетаріата не имѣетъ *своей* литературы“,—таковъ недвусмысленный, безоговорочный выводъ Потресова. Имѣется, конечно, цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ, такъ или иначе, отразилась великая тяжба между трудомъ и капиталомъ,—начиная съ Жоржъ Зандъ и Диккенса черезъ Фрейлиграту и Гервега къ Золя и Гауптману. Но это „во всѣхъ смыслахъ разные люди, имѣющіе лишь одно общее: „они могли наблюдать движеніе со стороны“,... „отнюдь не будучи съ нимъ органически связаны“.

У современнаго же пролетаріата, выдвинувшаго огромную, необычайной силы культуру практическаго дѣйствія, культуру классово-экономической и политической борьбы,—не только нѣтъ въ области культуры художества чего-либо подобнаго тому, чѣмъ владѣла вздымающаяся буржуазія 18-го вѣка, но нѣтъ даже достаточныхъ основаній для созданія такого рода иллюзій.

Почему же это такъ? „Почему классъ, создавшій великую

¹⁾ Наиболее любопытна статья Н. Ströbel'я (№ 3, № 47, 1912).

²⁾ „Наша Заря“ № 6, 1913, „Критическіе наброски“.

культуру при коммунизме? Или же
данію культуры художества?”

Это обстоятельство является, по мнѣнію Потресова, результатомъ взаимодѣйствія двухъ причинъ.

Первая заключается въ противорѣчивости положенія пролетарія въ современномъ обществѣ, какъ парія, „пасынка цивилизаціи, ея всѣмъ обдѣленнаго“ съ одной стороны и грандіозной задачей социальнаго преобразования, которой нѣтъ равной въ исторіи, возложенной ходомъ развитія именно на этого пасынка—съ другой. Въ этомъ противорѣчьи и заключается „ключъ къ пониманію какъ специфическихъ чертъ пролетарской культуры, такъ и вообще духовныхъ возможностей пролетариата въ предѣлахъ этой (капиталистической. Р. Г.) общественности“.

Историческая задача, возложенная на плечи рабочаго класса, требуетъ отъ него необычайнаго напряженія силъ для созданія „боевого товарищества“. Для поддержанія этого „товарищества“ необходимы огромныя затраты человѣческой энергіи, оно цѣликомъ поглощаетъ весь небольшой избытокъ времени, остающійся у пролетарія „за отбытіемъ капиталистической повинности“. Для организаціи же всего того, что не имѣетъ прямого, непосредственнаго отношенія къ дѣлу созданія и укрѣпленія товарищества—стало быть, и для созданія культуры художества, такимъ образомъ, „остается не только безконечно мало пространства во времени, но и безконечно мало—вниманія“.

„Подъ давленіемъ неумолимыхъ законовъ“ борьбы капиталистическаго общества, въ пролетариатѣ вырабатывается тенденція къ бессознательной экономіи силъ, къ невольному ограниченію культуры практическими нуждами основнаго процесса пролетарскаго движенія, и вся культура пріобрѣтаетъ характеръ нѣкоторой утилитарности. Создается психика, какъ я уже вскользь отмѣчалъ—пролетарской Спарты, и не могутъ создаться Афины“.

Меня очень соблазняетъ мысль сдѣлать еще нѣсколько выписокъ, въ столь же скупой, но четкой и ковеной формѣ, выясняющей этотъ ключъ „трагедіи пролетарской культуры“. Но ограниченность мѣста не позволяетъ мнѣ этого, и я вынужденъ перейти къ изложенію второй причины, противудѣйствующей, по мнѣнію А. Н. Потресова, образованію пролетарской культуры художества. Здѣсь я кореннымъ образомъ расхожусь съ Потресовымъ и вотъ почему.

Этой второй причиной, дѣйствующей, по его мнѣнію, въ томъ же направленіи, что и первая,—является „наличность въ капиталистической цивилизаціи, несмотря на чрезвычайное обостреніе классовыхъ отношеній и развитіе классового самознанія,—единого, недифференцированнаго общеклассоваго цѣлаго культуры такой мощности и такой—если здѣсь примѣнимо это слово—центростремительной силы, какихъ никогда“ не бывало ни въ одну изъ предшествующихъ цивилизацій“.

Потресовъ не отрицаетъ, что этотъ же проклятый и отверженный міръ, который долженъ подлежать уничтоженію, наряду со всѣми своими ужасами и кошмарами, владѣетъ огромными запасами вѣками накопленнаго духовнаго богатства. Никакое отрицаніе изживаемаго уклада—если оно только не превращается въ пошлый и бездушный нигилизмъ—не избавляетъ насъ отъ сознанія

что прошлое дастъ намъ также, но въ выраженіи слова „драгоцѣнную радость мелодій и книгъ. Если нѣтъ, то вѣдь были, вѣдь были на свѣтѣ и Бетховень, и Гейне, и Пушкинъ, и Григъ“. Какое же мѣсто займутъ всѣ эти, по невѣрному опредѣленію Потресова, «великіе мертвецы» въ духовной сокровищницѣ социализма? Будутъ ли они сданы въ архивы и музеи? Пушкина и Гете положить рядомъ съ топориками каменнаго вѣка? Достоевскаго и Ибсена отдадутъ на потребу специалистамъ—гелертерамъ грядущаго строя? Очевидно, Потресовъ и уготовляетъ этимъ «мертвецамъ» такую роль, ибо онъ говоритъ объ этой „великой сокровищницѣ цѣнностей“, какъ о „великой укрывательницѣ буржуазнаго духа... и великой консервативно-умѣряющей силѣ“.

— Не будь этой сокровищницы,—продолжаетъ Потресовъ,—не будь тѣней прошлаго, пролетаріатъ больнѣе ощущалъ бы отсутствіе своей литературы, и „реакція противъ нея могла бы скорѣе развитъ потребность въ пролетаріатѣ *своего* художества—ему нужнаго и дорогаго“ (этотъ курсивъ нашъ Р. Г.)

А какъ же тогда—первая причина? Пошла бы на смарку? Оказалось бы недѣйствительной?..

Ясенъ выводъ, ясно отношеніе Потресова къ этой «великой сокровищницѣ»: она, по его мнѣнію, для пролетарской интеллигенціи—„громоотводъ“, „суррогатъ нужнаго ей творчества“ курс. нашъ Р. Г.).

Стало быть, та необычайная тяга къ знанію, та страстность, съ которой пролетаріатъ припадаетъ воспаленными отъ жажды губами къ источнику міровой поэзіи, художества, науки—есть не болѣе, чѣмъ суррогатъ, чѣмъ нѣчто совершаемое взаимъ «ему нужнаго и дорогаго»?... Выражаясь грубѣе и проще, по Потресову это явленіе есть ни что иное, какъ „писанье на простой за немнѣяемъ гербовой“?..

Къ сожалѣнію, А. Н. Петросовъ въ своей работѣ не задумался надъ вопросомъ о характерѣ „нетлѣнности и безсмертія“ многихъ явленій міровой культуры. Еслибы онъ остановился и подробно развилъ вскользь брошенное имъ положеніе о томъ, что «Шекспиръ до сихъ поръ гораздо болѣе дѣйствителенъ, чѣмъ любой Зудерманъ и всякій Пшибышевскій»—онъ, несомнѣнно, пришелъ бы къ выводу, что усвоеніе современной рабочей интеллигенціей духовныхъ цѣнностей прошлаго есть не „суррогатъ“, а *творческой актъ созиданія своей пролетарской культуры*.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ „дѣйствителенъ“ Шекспиръ? Въ чемъ заключается его «вѣчность и нетлѣнность»? Означаетъ ли это, что искусство внѣвременно и внѣпространственно, должны ли мы, вслѣдъ за г. Айхенвальдомъ считать художника явленіемъ „астральнаго характера“? А. Н. Потресовъ очевидно и не подозреваетъ, что онъ неволью приблизился къ подобнаго рода точкѣ зрѣнія. Вѣдь недостаточно сказать: «Художество есть единственное мѣсто, гдѣ великіе мертвецы равноправны съ живымъ поколѣніемъ, а часто имѣютъ и приоритетъ предъ нимъ“. Надо отдать себѣ отчетъ, по чему это такъ? И какъ это возможно, чтобы „мертвецы“ были равноправны съ живымъ поколѣніемъ? Тутъ или *le mort saisit le vif*,—но вѣдь не это же имѣлъ въ виду Потресовъ? А если не это, то стало быть эти

„мертвецы“—не мертвецы, они живутъ съ нами, въ насъ и, следовательно, не являются чѣмъ-то чуждымъ, случайнымъ, »суррогатомъ нужнаго творчества“...

Здѣсь встаетъ передъ нами очень важный и серьезный вопросъ о судьбѣ художественныхъ образовъ. Возьмемъ кого-либо изъ той же шекспировской галлерей,—хотя бы Гамлета. Онъ насчитываетъ уже триста сличкомъ лѣтъ,—время достаточно для признанія «вѣчности» этого образа, которымъ дано обобщеніе, созвучное чловѣческимъ душамъ на всемъ протяженіи трехъ вѣковъ. Но былъ ли Гамлетъ всегда одинъ и тотъ же за всю свою долгую жизнь? Много ли точекъ схождения имѣютъ между собой Гамлетъ шекспировскаго „Глобуса“ и Гамлетъ Московскаго Художественнаго театра? Но отойдемъ отъ 17 вѣка, приблизимся къ современности. Прочитайте у Бѣлинскаго о молчаливомъ Гамлетѣ и сопоставьте его съ современнымъ сценическимъ воплощеніемъ Принца Датскаго.

Я видѣлъ недавно въ этой роли на сценѣ одного еврейскаго театра—Моисси,—и развѣ не метался предо мной измаянный истерикой, изглоданный неврастеній современный „утонченникъ“—горожаннъ, герой асфальтовыхъ тротуаровъ и искрящихся витринъ?...

Что же все это означаетъ? Это значитъ, что Гамлетъ вѣченъ, но не неизмѣненъ. Это значитъ, что художественный образъ непрерывно обновляется, заполняется свѣжимъ содержаніемъ, мѣняетъ свою плоть и кровь въ зависимости отъ историческихъ условий, отъ обстоятельство въ времени и мѣста...

Я не могу лично говорить на эту тему (затронутую, между прочимъ, въ блестящемъ этюдѣ А. Г. Горифельда) ¹⁾, но и сказаннаго, я думаю, достаточно для того, чтобы прийти къ слѣдующему выводу: та работа усвоенія «чужой культуры, то приобщеніе къ сокровищницѣ «великихъ мертвецовъ», о которомъ съ видимымъ сожалѣніемъ говоритъ А. Н. Потресовъ, есть не суррогатъ, а самостоятельный процессъ пролетарскаго творчества, вполне равноправнаго и одинаково необходимаго, какъ и созданіе своего новала художества. И рабочая интеллигенція прекрасно сознаетъ всю важность этой задачи *переплавленія* культуры прошлаго. Въ этомъ можно убѣдиться хотя бы изъ статьи Квадрата, сосъда Потресова по журналу. Романъ Григорьева «На ущербѣ» тоже запечатлѣлъ это стихійное устремленіе пролетаріата къ „буржуазному“ художеству. — „Мы хорошему рады учиться,“—говоритъ рабочій Петровъ писателю Рѣкушу въ отвѣтъ на его злобную истерику.

Несомнѣнно, здѣсь нужна большая осторожность, „нужна большая предварительная работа“, чтобы распознать и отличить хорошее отъ дурнаго, чтобы „прекратилось сплошное сліеніе сплава“. Все это такъ, но почему А. Н. Потресовъ считаетъ эту работу звѣмъ-то второстепеннымъ, не имѣющимъ права на почетное званіе—строительства пролетарской культуры? Недооцѣнивая, такимъ образомъ, этой стороны пролетарскаго творчества, импульсируемой извнѣ, прошлымъ,—Потресовъ недооцѣниваетъ также—вѣрнѣе, не беретъ во вниманіе,—цѣлаго ряда явленій новой культуры, идущихъ уже изнутри рабочаго движенія.

1) Рус. Бог. 1912. № 2: „О толкованіи художеств. произвед.“

Долженъ, прежде всего, сказать о нѣкоторой неясности самой темы А. Н. Потресова. Подзаголовокъ гласитъ: „Трагедія пролетарской культуры“, но въ текстѣ рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о культурѣ художества. Удѣляется нѣкоторое вниманіе, какъ видно изъ приведенныхъ выше цитатъ, и „культурѣ практическаго дѣйствія“, вкраплено нѣсколько фразъ о „культурѣ обыденной жизни“.

Мнѣ кажется, что А. Н. Потресову слѣдовало, прежде всего, нѣсколько точнѣе опредѣлить свою тему, дать дефиницію общественно—классовой культуры.

Въ самомъ, дѣлѣ, что мы понимаемъ подъ „Культурой“ какого-нибудь социальнаго строя? Мы слагаемъ ее обычно въ нашемъ сознаніи изъ трехъ элементовъ: 1) культуры матеріальныхъ цѣнностей, 2) культуры духовныхъ цѣнностей—художества и искусства и 3) культуры быта, „обыденной жизни“, повседневной морали во всѣхъ проявленіяхъ нашей жизни—общественной, личной, половой, семейной . .

На первой категоріи останавливаться, конечно, не приходится: то, что матеріальная культура современнаго строя есть необходимая предпосылка для наступленія социализма,—является однимъ изъ основныхъ положеній марксизма. Этой азбуки Потресовъ могъ, конечно, не касаться, но онъ совершенно напрасно весь центръ тяжести вопроса увидѣлъ лишь въ культурѣ художества, почти замолчавъ третью составную культурную категорію.

Мы видимъ, какъ Потресовъ справился со своей главной задачей—выясненіемъ причинъ скудости, если не полнаго отсутствія у пролетаріата своего художества. Хотя А. Н. Потресовъ не принялъ въ расчетъ такихъ явленій современной поэзіи, какъ Верхарнъ; хотя онъ ни словомъ не упомянулъ объ Уольфѣ Уитманѣ и Рихардѣ Демелѣ,—все же его положенія здѣсь принимаютъ характеръ научныхъ формулъ.

Но все же, несмотря на свою послѣдовательность и прямолинейность, Потресовъ не далъ яснаго отвѣта на вопросъ: существуетъ ли теперь, въ нашей текущей современности, пролетарская культура, качественно отличная отъ культуры буржуазной.

Ограничивъ, себя, главнымъ образомъ, темой о культурѣ художества, А. Н. Потресовъ, придя здѣсь къ нерадостнымъ выводамъ, уклонился отъ категорическаго отвѣта. И совершенно напрасно: ему слѣдовало заглянуть въ область имѣ лишь мимоходомъ затронутую—область „обыденной жизни“ пролетаріата,—и онъ увидѣлъ бы тамъ несомнѣнныя и реальныя очертанія новой культуры.

А. Н. Потресовъ, какъ и Ст. Вольскій ¹⁾ говорятъ лишь о нивелирующемъ вліяніи капитализма, о господствующемъ духѣ мѣщанства въ бытовыхъ формахъ, который долженъ проникать и проникаетъ въ пролетаріатъ. Но ни тотъ, ни другой не видятъ, что это не вся, не полная правда. Они не видятъ, что тамъ же, въ этихъ рабочихъ крватиркахъ съ геранью и канарейками, въ

„Завѣты“ № 5, 1913. „О блудн. сынахъ социализма“.

этой, по мнѣнію многихъ цитадели „нео—мѣщанства“,—зрѣть и выковывается новый идеалъ человѣка—*общественная личность*.

Именно социалистическому рабочему движенію принадлежнй честь созданія этого величайшаго изъ когда-либо бывшихъ въ распоряженіи человѣчества идеаловъ.

А. Н. Потресовъ говоритъ о „боевомъ товариществѣ“, говоритъ о требованіяхъ, предъявляемыхъ имъ пролетарію,—но онъ характеризуетъ отношеніе этого пролетарія къ коллективу лишь какъ „дѣловитость“, въ сухомъ и добросовѣстномъ „служеніи дѣлу“ онъ видитъ главную добродѣтель „спартанцевъ нашего времени“, нисколько не останавливаясь на томъ, какимъ грандіознымъ моральнымъ завоеваніемъ является эта „дѣловитость“, не указывая на новыя созвучія, рождаемыя въ душѣ пролетарія идеей общественнаго строительства, на отбѣныя того, чреватаго богатѣйшими возможностями, сдвига въ человеческомъ сознаніи, къ которому приводитъ коллективистическое воспріятіе опыта, неизбѣжное для участниковъ рабочаго движенія.

Потресовъ не указалъ также на то, что это же движеніе совершаетъ огромный переворотъ въ прогнившей семейной и половой морали капиталистическаго мѣщанства. Онъ ни словомъ не упомянулъ о явленіи столь исключительной и неожиданной значительности, какъ новая женщина, созрѣвшая въ нѣдрахъ пролетаріата. Можно считать, что А. М. Коллонтай въ женскомъ патріотизмѣ переоцѣнила цѣлый рядъ общественныхъ и литературныхъ явленій, но нельзя отрицать, что самый фактъ народженія этой „новой женщины“ констатированъ ею съ достаточно убѣдительною объективностью!

Можно бы еще привести цѣлый рядъ крупныхъ явленій, въ которыхъ проступаетъ новый и свѣтлый ликъ человѣка, по новому подходящий къ вещамъ, инымъ сіяніемъ озаряющій потемки современныхъ понятій, чувствъ и представленій.

Несмотря на значительную культурную „бѣдность да бѣдность“ современнаго рабочаго класса, несмотря на отсутствіе у него своей культуры художества,—онъ уже теперь, на грани двухъ столкнутыхъ міровъ, проступаетъ носителемъ новой культуры—пролетарской—и при томъ безъ кавычекъ.

— Поменьше самообольщенія!—зываетъ Потресовъ.

Да, конечно, самообольщенія не надо, оно вредно . . . Особенно въ русскихъ условіяхъ...

Но не находитъ ли самъ А. Н. Потресовъ, что *его* пролетарій, стоящій у вратъ Грядущаго Царства, черезчуръ нищъ, излишне ариеметиченъ, скучновато—дѣловой и, кромѣ „истрепанной блузы“ и «рукъ, покрытыхъ мозолями» ровно ничѣмъ не владѣетъ?

Настолько ничѣмъ, что является вопросомъ, сможетъ ли еще такой пролетарій, «войдя», творить «свою культуру»...

Мнѣ кажется, что современный передовой рабочій не таковъ, что онъ гораздо богаче, и если прибѣгать къ образамъ и сравненіямъ, я взялъ бы для его характеристики у Рабиндраната Тора его странника:

« ... На небѣ занимается заря новаго дня, и путь мнѣ кажется прекраснымъ.

Не спрашивайте, что я беру съ собою. Я отправляюсь въ

путь съ пустыми руками и съ сердцемъ, полнымъ ожиданія. Я надѣну мой брачный вѣнокъ. Не для меня—печальное бурое платье странника. Хотя въ пути есть опасности, но въ моемъ сердцѣ нѣтъ страха.

Когда мое путешествіе закончится, на небѣ засіяетъ вечерняя звѣзда, и у воротъ зазвучать мелодіи свирѣли... *)

Раф. Григорьевъ.

Иностранное обозрѣніе.

Политическій кризисъ во Франціи.

Инженеръ Морганъ во французской палатѣ депутатовъ въ наивно-откровенной рѣчи, очень богатой фантастическими данными, развернулъ картину постепенной монополизациі всей горной промышленности въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ капиталистическихъ фирмъ. Этотъ процессъ чудовищной концентраціи капиталовъ, совершающійся во Франціи (и во всемъ мірѣ) въ послѣднее время съ гораздо большей быстротой, чѣмъ это ожидали и предсказывали даже марксисты, уже давно опредѣляетъ собой господствующій курсъ внутренней и внѣшней политики французской республики. Духъ монополіи и протекціонизма, заигрываній съ клерикальной реакціей, гоненія на рабочія организаціи, колониальныя авантюры, непрерывное усиленіе милитаризма, бонапартистскія ухватки исполнительной власти—все это въ послѣдніе годы шло рука объ руку во Франціи и нашло свое олицетвореніе какъ въ личности президента республики Пуанкаре, такъ и въ недавно павшемъ министерствѣ Барту.

Правда, ради увеличенія устойчивости режима, угрожаемаго ростомъ синдикалистскаго и социалистическаго движенія, реакціонное министерство Барту и поддерживавшее его парламентское большинство вынуждены были пойти на нѣкоторыя уступки; но ихъ реформаторскія потуги имѣли въ значительной мѣрѣ характеръ фиктивный. Такъ, по примѣру англійскаго парламента, французская палата депутатовъ высказалась недавно за установленіе мінімум'а заработной платы для рабочихъ, занятыхъ въ домашней промышленности; такъ она же недавно высказалась въ третій разъ за избирательную реформу, за введеніе пропорціо-

*) *Отъ редакціи.* Не имѣя возможности отвѣчать по отдѣльности на всѣ статьи, вызванныя его статьей о пролетарской культурѣ, А. Н. Потресовъ отвѣтитъ всѣмъ своимъ критикамъ въ общей статьѣ въ одной изъ первыхъ книжекъ журнала за 1914 г.

нального представительства для меньшинствъ. Но, во 1-хъ, объ эти реформы пока остались только на бумагѣ, ибо Сенатъ не обнаруживаетъ желанія ихъ утвердить. Во 2-хъ, и сама палата депутатовъ позаботилась о томъ, чтобы прибавить къ своему меду не малую ложку дегтя: minimum заработной платы для рабочихъ, занятыхъ въ домашней промышленности, установленъ парламентомъ въ небольшомъ размѣрѣ, равномъ лишь $\frac{2}{3}$ заработной платы соответственной категоріи фабричныхъ рабочихъ. Что же касается избирательной реформы, то она осложнена крайне реакціонной поправкой, внесенной депутатомъ Мажино и принятой парламентомъ. Согласно этой поправкѣ, общее число депутатовъ должно соответствовать въ каждомъ округѣ не дѣйствительной численности всего населенія округа, а числу зарегистрированныхъ избирателей. Эта поправка, какъ правильно отмѣтили въ палатѣ социалисты, составлена въ бонапартистскомъ духѣ: она ставитъ деревню и провинцію въ привилегированное положеніе по сравненію съ Парижемъ и съ другими, быстро растущими городами.

Но не эти, хотя бы урѣзанные и застрявшія на полпути въ Сенатѣ, реформы были характерны для режима Барту—Пуанкаре. Для него характерны пресловутый законъ о продленіи срока военной службы до 3-хъ лѣтъ, всяческія затяжки въ проведеніи общанной налоговой реформы; для него характерно возбужденіе уголовного преслѣдованія противъ вождей Всеобщей Конфедерации Труда за ихъ матеріальную поддержку новобранцевъ путемъ учрежденія „Солдатской копѣйки“; для него характерна война противъ „учительскихъ синдикатовъ“, попытка путемъ подкупа деморализовать социалистическую прессу; для него характерно, наконецъ, покровительство католическимъ союзамъ рабочихъ. О томъ, какія широкія сѣти успѣли уже раскинуть среди рабочихъ благочестивые реакціонные католическіе патеры, покровительствуемые свѣтской властью, видно изъ того, что въ Клерикальномъ Союзѣ желѣзнодорожниковъ во Франціи теперь организовано уже 70 тысячъ членовъ; въ союзъ этотъ входятъ 478 группъ, причемъ на однѣхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ такихъ группъ насчитывается уже 63.

Реакція во Франціи, плѣненной всесильными крупно-капиталистическими классами, шла въ послѣдніе годы впередъ на всѣхъ парахъ. Но именно потому, что походъ на демократію принялъ ужь слишкомъ цинично откровенную форму, господствующій режимъ, съ которымъ до сихъ поръ боролись энергично только социалисты и рабочіе, возстановилъ противъ себя въ концѣ концовъ и тѣ умѣренные элементы населенія, которые идутъ во Франціи за радикалами и которые до послѣдняго времени не въ состояніи были вдохнуть жизнь въ ихъ, какъ казалось, безнадежно разложившуюся политическую партію. Завидуя успѣхамъ „объединенныхъ социалистовъ“ и смущенные безудержнымъ наступленіемъ реакціи, распыленные радикалы на своемъ послѣднемъ конгрессѣ въ По попытались связать членовъ своей партіи программой и организационной дисциплиной. Между прочимъ, конгрессъ отвергъ политику „концентраціи“ разношерстныхъ республиканскихъ элементовъ и безответственнаго вступленія отдѣльных членовъ партіи на свой страхъ и рискъ въ ту или иную случайную политическую комбинацію. На собраніи радика-

ловъ, въ которомъ участвовало 90 членовъ, постановлено было далѣе, что всякое рѣшеніе партіи, принятое $\frac{2}{3}$ голосовъ, отнынѣ считается обязательнымъ для всякаго члена партіи. Эта попытка организаціоннаго оформленія партіи на первый разъ вызвала отколъ отъ нея 6 видныхъ членовъ праваго крыла и одного члена—Бюиссона, принадлежащаго къ наиболѣе лѣвымъ ея элементамъ. Но, несмотря на этотъ отколъ, консолидація лѣвыхъ радикаловъ навѣрно не только укрѣпитъ ихъ позицію, но и сослужитъ также нѣкоторую службу дѣлу оздоровленія парламентскихъ нравовъ во Франціи. До недавняго времени тамъ въ сущности была только одна организованная партія—соціалисты. Во всѣхъ жѣ другихъ такъ называемыхъ „партіяхъ“ царилъ безгранично личный карьеризмъ. Типичнымъ представителемъ этого карьеризма является ренегатъ Аристидъ Бріанъ, который до послѣдняго времени не считалъ даже нужнымъ, хотя бы для виду, примкнуть къ той или иной „партіи“; но консолидація радикаловъ повидимому и на него оказала извѣстное дѣйствіе—и онъ въ концѣ концовъ записался въ группу—«Entente democratique et sociale», изъ которой недавно выписался нынѣшній лидеръ радикаловъ—Кайо, мотивировавшій свое выступленіе безпринципностью этой группы.

Лѣвые радикалы на своемъ конгрессѣ въ По выстроились въ боевомъ порядкѣ. Но на настоящую битву съ правительствомъ они рѣшились лишь послѣ того, какъ рабочіе нанесли чувствительный ударъ реакціи. Мы имѣемъ въ виду забастовку углекоповъ въ Па де Кале.

Французскіе углекопы еще въ 1905 г. добились законодательнаго ограниченія рабочаго дня 8 часами. Но законъ этотъ былъ фикціей, насколько самимъ закономъ предусматривалось право на сверхурочныя работы. Въ 1910 г. Сенатъ фиксировалъ максимальную норму сверхурочныхъ рабочихъ часовъ—въ 90 часовъ. Палата депутатовъ понизила эту норму до 30 часовъ. Но Сенатъ въ своихъ реакціонныхъ вождѣльничьихъ не успокоился. Недавно, въ 1913 г., онъ вотировалъ повышеніе нормы сверхурочныхъ работъ не только по сравненію съ нормой, установленной парламентомъ, но и по сравненію съ той нормой, за которую онъ самъ высказался въ 1910 г. Онъ опредѣлилъ, что сверхурочныя работы въ шахтахъ могутъ быть введены въ размѣрѣ 150 часовъ. Чрезвычайно характерна, между прочимъ, мотивировка этого увеличенія. Докладчикъ комиссіи о работѣ въ шахтахъ, Будено, говорилъ въ Сенатѣ: потребленіе угля все больше возрастаетъ, между тѣмъ какъ рабочихъ все больше не хватаетъ. Это положеніе, говорилъ онъ, должно будетъ еще значительно ухудшиться благодаря введенію 3-хлѣтней военной службы. Новый законъ о 3-хлѣтней службѣ отвлечетъ массу молодыхъ рабочихъ силъ въ казарму. Чтобъ пополнить неизбѣжный вслѣдствіе этого недочетъ, необходимо удлинить рабочій день. Выходитъ такъ, что старые углекопы должны томиться долгіе часы въ шахтѣ для того, чтобы молодое поколѣніе могло томиться лишній годъ въ казармахъ. Такова логика буржуазныхъ законодателей!

Рѣшеніе Сената вызвало бурю негодованія у углекоповъ. Углекопы бассейна Па-де-Кале отвѣтили на это рѣшеніе забастовкой, а Национальная Федерация углекоповъ выпустила 18-го

ноября воззваніе ко всеобщей забастовкѣ, на которую сразу же откликнулись 40 тыс. рабочихъ. Конъюнктура была, повидимому, въ этомъ моментъ благопріятна для рабочихъ, и предпринима-тели при посредничествѣ правительства сразу пошли на уступки. Делегаты отъ тѣхъ же владѣльцевъ заявили, что они готовы совершенно отказаться отъ сверхъ-урочныхъ работъ до того момента, когда палата депутатовъ не фиксируетъ максимальной нормы сверхъ-урочныхъ работъ законодательнымъ порядкомъ. Получивъ удовлетвореніе, рабочія организациі заявили, съ своей стороны, что онѣ прекращаютъ пока забастовку, но что они и впредь будутъ бороться за свои основныя требованія—за 8-ми-часовой рабочій день, за установленіе *minimum'a* заработной платы и за введеніе пріютовъ для престарѣлыхъ рабочихъ. Несмотря на то, что забастовка прекратилась, парламентъ поторопился установить норму сверхурочныхъ работъ, хотя и высшую, чѣмъ онъ установилъ въ 1910 г., но все же вдвое низшую по сравненію съ тѣмъ, чего требовалъ Сенатъ (60 часовъ),

Успѣшная забастовка въ Па-де-Кале несомнѣнно нанесла ударъ реакціи; но ударъ этотъ направленъ былъ противъ Сената. Вскорѣ послѣ этого послѣдовалъ второй ударъ, уже непосредственно противъ правительства Барту. Тутъ рѣшающую роль сыграли лѣвые радикалы.

Правительство Барту для покрытія расходовъ по Мароккской экспедиціи и для покрытія расходовъ, связанныхъ съ осуществленіемъ новаго закона о 3-хъ лѣтней военной службѣ, внесло въ парламентъ законопроектъ о выпускѣ внутренняго займа на 1.300 милліоновъ франковъ. Какъ извѣстно, и въ Германіи послѣдній военный законъ потребовалъ новыхъ расходовъ въ 1 милліардъ марокъ. Тамъ эти расходы были покрыты прямыми налогами. И французское правительство, уступая требованію лѣвыхъ, въ іюль 1913 г. дало торжественное обѣщаніе о введеніи подоходнаго налога и налога на капиталъ; правительство Барту однако не только уклонялось отъ выполненія этого обѣщанія, но въ связи съ проектируемымъ колоссальнымъ внутреннимъ займомъ еще потребовало освобожденія ренты отъ налоговъ, тѣмъ самымъ предрѣшая судьбу подоходнаго налога. Противъ этого предательства народныхъ интересовъ реакціоннымъ правительствомъ и направлена была главная атакка оппозиціи при обсужденіи бюджета въ первыхъ числахъ декабря 1913 г.

Жоресъ отъ имени „объединенныхъ социалистовъ“ предложилъ *отложить* дебаты о займѣ, покуда правительство не выскажется по поводу слѣдующихъ основныхъ требованій: 1) ограниченія военныхъ операцій въ Марокко, 2) постепеннаго сокращенія срока службы въ казармѣ и сокращенія расходовъ на военныя нужды путемъ организациі „вооруженія націи“, 3) обращенія къ державамъ съ предложеніемъ рѣшать впредь всѣ международные конфликты путемъ третейскаго суда. Предложеніе объ отсрочкѣ дебатовъ было отвергнуто 439 противъ 148 голосовъ. Но защита этого предложенія дала возможность Жоресу открыть огонь по правительству по всей линіи.

Послѣ того приступлено было къ обсужденію вопроса о займѣ. Парламенская комиссія высказалась за заемъ въ размѣрѣ 900 милліоновъ. Такую же цифру подерживали на основа-

ня рѣшенія своей конференціи объединенные лѣвые радикалы. Правительство Барту, наоборотъ, во время самихъ дебатовъ, присоединилось къ поправкѣ, внесенной Бруссомъ, поднявшей размѣры проектируемаго займа до 1.500 мил. франковъ, т. е. увеличившій сумму на 200 милл. по сравненію съ первоначальной правительственной смѣтой. Эта легкомысленная игра правительства съ сотнями милліоновъ народныхъ денегъ дала сильное оружіе въ руки социалистовъ и оппозиціонныхъ радикаловъ. Однако, по этому пункту правительству кое какъ еще удалось отбить атаку, хотя и съ большимъ урономъ. Ничтожнымъ большинствомъ въ 21 голосъ парламентъ принялъ цифру займа въ 1.300 милліоновъ франковъ, соотвѣтствующую первоначальной правительственной смѣтѣ. Послѣ этого приступлено было къ обсужденію вопроса о требуемомъ правительствомъ имунитетѣ ренты, т. е. объ освобожденіи ренты отъ налоговъ. По этому вопросу противъ правительства главную атаку повелъ лидеръ лѣвыхъ радикаловъ Кайо. Правительство поставило вопросъ о довѣрїи и свернуло себѣ шею. Парламентъ имунитетъ отвергъ. Такимъ образомъ наступилъ министерскій кризисъ.

Министерскій кризисъ самъ по себѣ ничего особеннаго во Франціи не представляетъ. Тутъ обыкновенно одно министерство смѣняется другимъ, и все остается по старому—мѣняются только лица. И въ этомъ случаѣ президентъ республики Пуанкаре пытался замѣнить однихъ лицъ другими—того же реакціоннаго цвѣта. Хотя министерство свалено было лидеромъ лѣвыхъ радикаловъ Кайо, тѣмъ не менѣе Пуанкаре первоначально предложилъ составить новый кабинетъ умѣренно—правому республиканцу Рибо, а затѣмъ и Дюжюи. Но на этотъ разъ всѣ попытки составить кабинетъ изъ смѣшаннаго республиканскаго списка разбились о сопротивленіе лѣвыхъ радикаловъ, которые впервые проявили партійную дисциплину и рѣшительно отказались пойти на комбинацію, въ которой имъ не было бы обезпечено прочное большинство. Такимъ образомъ Пуанкаре пришлось, скрѣпя сердце, предложить составленіе кабинета лѣвому радикалу Думергу, который быстро справился со своей задачей, пригласивъ себѣ въ сотрудники Кайо и другихъ товарищей по партіи.

Вотъ этотъ то необычный въ послѣдніе годы характеръ министерскаго кризиса, принявшаго вдругъ размѣры крупнаго политическаго кризиса, привелъ въ совершенное неистовство всю реакціонную и умѣренно правую французскую печать—„Figaro“, „Temps“, „Journal des Debats“, „Gaulois“ и т. п. „Это не кабинетъ“, завопилъ благонамѣренный „Journal des Debats“, а это котерія; это не правительство, это министерство провокаціи. Все общественное мнѣніе нашей страны поражено и испугано этими выборами“.

Эти буржуазные страхи, однако, до послѣдней степени увеличены. Новое министерство, выступившее на политическую арену съ такимъ трескомъ, уже съ перваго своего шага показало, что лѣвые радикалы, обѣщавшіе на своемъ пресловутомъ конгрессѣ въ По, большія кровопролитія, съѣли чижика. Изъ всей своей радикальной программы новоиспеченное министерство Думерга въ своей деклараціи обязалось выполнить только одинъ пунктъ—проведеніе подоходнаго налога. По другому, наиболѣе жгучему

вопросу, о срокѣ военной службы оно съ перваго же момента спасовало. Конгрессъ въ По высказался за постепенное сокращеніе срока службы, за возвращеніе къ 2-хъ лѣтней службѣ и за идею „вооруженія націи“. Именно для осуществленія этой реформы, лѣвые радикалы предлагали въ качествѣ переходной мѣры военную подготовку молодежи. Въ декларациі Думерга о постепенномъ сокращеніи срока службы нѣтъ уже ни слова; Думергъ ограничился только заявленіемъ, что для него 3-хъ лѣтняя служба не „догма“, но что кабинетъ, впрочемъ, будетъ стоять на почвѣ проведеннаго закона и одновременно позаботится о военномъ обученіи молодежи.

Такимъ образомъ военное обученіе молодежи изъ средства по мановенію волшебнаго жезла превратилось въ самоцѣль. Очевидно, что отъ буржуазнаго радикализма, даже „обновленнаго“, больше не приходится уже ждать чудесъ. Поэтому социалисты поступили очень послѣдовательно, когда они, участвуя вмѣстѣ съ радикалами въ низверженіи реакціоннаго правительства Барту, воздержались отъ голосованія, когда очередь дошла до вотума довѣрія новому министерству.

А. Мартыновъ.

Политическое обозрѣніе.

О закончившейся сессіи Думы.

Тусклая сессія! Тускло началась она, тускло закончилась. Какъ то сонно, какъ будто нехотя выполняла Дума свою работу.

Ничего яркаго, ничего рѣзкаго. Не чувствовалось въ работѣ Думы бѣненія пульса жизни, настоящей жизни, которая чувствуется въ странѣ. И вниманіе всѣхъ слѣдившихъ за Думой привлекало больше не то, что дѣлалось въ Думѣ, а то, что носило въ себѣ какіе нибудь признаки измѣненія существующаго положенія вещей въ Думѣ, — измѣненія въ соотношеніи между дѣйствующими тамъ партіями, измѣненія въ отношеніяхъ между Думой и правительствомъ. Съ этой точки зрѣнія приковала къ себѣ всеобщее вниманіе октябристская конференція. Она говорила какъ будто о серьезной эволюціи, переживаемой октябристами. Потомъ дѣятельность октябристовъ въ Думѣ и думскихъ коммисіяхъ разочаровала всѣхъ, кто обнаруживалъ склонность повѣрить въ серьезный поворотъ октябристовъ въ сторону оппозиціи.

И напрашивалась уже сама собой формула—все остается по пре-

жнему, оппозиціонные выпады октябристской конференціи это только парадныя фразы, не оставляющія никакихъ реальныхъ слѣдовъ въ дѣятельности октябристовъ. Но прежде, чѣмъ эта формула успѣла сложиться, среди октябристовъ произошелъ расколъ. Нашлось все таки человекъ 20 октябристовъ или около того, обнаружившихъ какъ будто серьезныя намѣренія проводить въ жизнь рѣшенія своей партійной конференціи. Этотъ фактъ я и констатировалъ въ своемъ Post scriptum'ѣ, которымъ успѣлъ еще снабдить свою статью объ октябристахъ, помѣщенную въ прошлой книжкѣ „Нашей Зари“.

Между тѣмъ октябристская фракція послѣ этого подверглась дальнѣйшей эволюціи. Когда попытки вернуть ушедшихъ товарищей назадъ во фракцію не увѣнчались успѣхомъ, ушли изъ фракціи еще 31 человекъ, потомъ еще человекъ 12. Это уже уходили не лѣвые, а центральные октябристы, образовавшіе, подъ предводительствомъ гг. Родзянко и Алексѣенко, особую фракцію. Въ итогѣ оказались двѣ новыя октябристскихъ фракціи, одна лѣвыхъ, другая центральныхъ октябристовъ и въ остаткѣ еще около половины октябристовъ, находящихся въ неопредѣленномъ состояніи, въ состояніи просто развала. Только въ январѣ, когда Дума соберется, выяснится окончательно, что появится въ Думѣ на мѣстѣ развалившейся октябристской фракціи.

Повидимому, въ группу центральныхъ октябристовъ войдетъ огромное большинство членовъ прежней фракціи. За предѣлами ея останется небольшое число правыхъ октябристовъ съ Шубинскимъ и Скоропадскимъ во главѣ. Но останутся ли за ея предѣлами и лѣвые октябристы, — Годневъ, Звегинцевъ, Хомяковъ, С. Шидловскій и др.?

Что Шубинскій и Скоропадскій стали невозможными въ октябристской партіи—фактъ, не лишенный значенія. Шубинскій и Скоропадскій—это люди, потерявшіе способность расходиться въ чемъ нибудь съ правительствомъ, это люди, готовые всегда къ услугамъ, ждущіе приказаній правительства и готовые идти всюду, куда оно укажетъ. Эволюція, происходящая въ жизни, прошла мимо нихъ. Большинство же октябристовъ нѣкоторое вліяніе этой эволюціи все таки испытали на себѣ. У нихъ нѣтъ уже абсолютной готовности идти всегда и во всѣхъ случаяхъ съ правительствомъ. Они нѣсколько лѣвѣе современнаго курса и желали бы ослабить стремительный бѣгъ реакціи. Но къ осуществленію своей программы, къ проведенію въ жизнь манифеста 17 октября, и они чрезвычайно мало способны. По крайней мѣрѣ, пока еще мало способны. Вся дѣятельность ихъ въ послѣдней сессіи, на которой я останавливался въ прошлой книжкѣ, слишкомъ ярко говорить объ этомъ.

Измѣнится ли въ этомъ отношеніи что нибудь отъ того, что Шубинскій и Скоропадскій останутся за предѣлами октябристской фракціи? Очевидно нѣтъ. Вѣдь не Шубинскій и Скоропадскій, а центральный октябристъ, Бенигсенъ помогалъ въ комиссіи проведенію пра-

вительственного законопроекта о печати и центральный же октябристы Люцъ проваливалъ отъ лица октябристовъ запросы, вносимые оппозиціей.

Въ отличіе отъ нихъ лѣвые октябристы, Годневъ, Шидловскій, Хомяковъ и др. являются какъ будто представителями новой стадіи, до которой большинство октябристовъ еще не дошло и можетъ быть и не дойдетъ. Это, новидимому, люди, которые обнаруживаютъ склонность проводить въ жизнь свою программу и понимаютъ, что, напримѣръ, правительственный законопроектъ о печати не имѣетъ ничего общаго съ осуществленіемъ манифеста 17 октября. И, если они сохраняютъ свою самостоятельность, они могутъ стать пунктомъ притяженія для новыхъ и новыхъ бѣглецовъ изъ среды октябристовъ.

Но окажутся ли они достаточно стойкими, устоятъ ли они противъ зазываній группы центральныхъ октябристовъ, которая, повидимому, и создавалась специально для того, чтобы, отдѣлвшись отъ слишкомъ правыхъ своихъ членовъ, воссоединить всѣхъ остальныхъ? Объ этомъ мы узнаемъ въ январѣ. Во всякомъ случаѣ, если лѣвые октябристы и сохраняютъ свою стойкость, это можетъ сыграть какую нибудь роль только въ будущемъ. Непосредственно же положеніе дѣль отъ этого мало измѣняется. И новая сессія будетъ имѣть въ началѣ приблизительно тотъ же видъ, какой имѣла прежняя сессія. Дума, какъ будто висящая въ воздухѣ, даже отдаленно не выражающая чаяній и стремленій страны, очень плохо выражающая даже интересы зажиточныхъ слоевъ населенія, Дума гдѣ то безнадежно застрявшая между дворянской реакціей и ставшей оппозиціонной буржуазіей. Находящаяся въ особенно рѣзкой дисгармоніи со всѣми слоями города—отъ пролетаріата до крупной буржуазіи. И въ то же время въ холодныхъ отношеніяхъ съ бюрократіей.

Это странное состояніе Думы кладетъ отпечатокъ какой то то-скливой скуки на дѣятельность въ этой Думѣ какъ всей оппозиціи, такъ въ частности и социаль-демократической фракціи. Нѣтъ и не можетъ быть того полета, какой дала бы борьба съ реальными силами, организованными въ Думѣ.

Чтобы борьба затѣмъ могла одушевлять борцовъ и создавать вокругъ нихъ атмосферу сочувствія, нужно, чтобы въ самой борьбѣ было какое нибудь движеніе, чтобы она была или растущимъ натискомъ на враговъ, или отчаяннымъ сопротивленіемъ усиливающемуся со стороны враговъ натиску.

Или того или другого ожидали какъ разъ многіе отъ IV Думы передъ выборами въ нее. Были основанія думать сначала, что, не смотря на законъ 3 іюня, Дума окажется оппозиціонной. Послѣ того же, когда бюрократія приняла чрезвычайныя мѣры для фабрикаціи выборовъ, надежды на оппозицію Думу смѣнились опасеніями черной Думы.

Если бы одна изъ этихъ прежнихъ возможностей осуществилась,

мы выдали бы ввроятно въ стѣнахъ Думы яркія и сильныя сцены борьбы, которыя привлекали бы къ себѣ серьезное общественное вниманіе. Напр. въ случаѣ черной Думы, если бы приходилось шагъ за шагомъ бороться противъ натиска реакціи, противъ стремленія ея отнять всѣ пріобрѣтенія 1905 года.

Кое что серьезное въ этомъ родѣ жизнь, впрочемъ, готова подарить въ слѣдующую сессію. Правительственный законопроектъ о печати узаконяющій существующія ограниченія свободы печати и прибавляющій къ нимъ новыя, напелъ большинство въ думской комиссіи. Найдеть ли онъ большинство въ Думѣ, трудно сказать заранее. Но опасность, серьезная опасность этого несомнѣнно существуетъ. И вотъ тутъ представляется возможность развить кампанію въ странѣ, привлечь къ борьбѣ противъ этого законопроекта сочувствіе широкихъ слоевъ населенія и думская борьба противъ этого законопроекта пріобрѣтетъ силу и яркость, станетъ крупнымъ общественнымъ фактомъ, слѣды котораго остаются въ жизни даже и въ томъ случаѣ, если эта борьба окончится неудачей и законопроектъ станетъ закономъ.

Вообще отъ страны только, отъ движенія, происходящаго въ ней, Дума можетъ получить живительные токи, только въ связи съ движеніемъ въ странѣ она можетъ зажить яркой интенсивной жизнью. Когда шумъ улицы ворвется въ Думу, тогда г.г. Люцы начнутъ испытывать колебанія. Они перестанутъ напр. тогда механически, какъ какая то машина, погребать одинъ за другимъ запросы, вносимые соціалъ-демократіей и говорящіе о вопіющемъ безправіи у насъ пролетаріата.

И защита этихъ запросовъ станетъ тогда болѣе жгучей, болѣе страстной.

А сейчасъ получается какое то томительное топтаніе на одномъ мѣстѣ. Снова и снова повторяются съ думской трибуны аналогичные факты, къ которымъ всѣ привыкли и которые по этому, не смотря на всю свою чудовищность, ни на кого не производятъ впечатлѣнія; снова и снова дѣлаются изъ этихъ фактовъ аналогичныя заключенія.

Запросная дѣятельность дѣлается какимъ то механическимъ процессамъ, какой то налаженной функціей, исполняемой машинально безъ всякаго огня и воодушевленія. Но это, конечно, не вина, а бѣда сейчасъ соціалъ-демократической фракціи. Когда все кричитъ вокругъ о безправіи пролетаріата и широкихъ слоевъ демократіи, думскимъ представителямъ пролетаріата приходится снова и снова заявлять объ этомъ съ думской трибуны. И не ихъ вина, что жизнь идетъ медленно, заставляя ихъ цѣлыми годами повторять снова и снова одно и тоже, повторять и анализировать все сходные, аналогичные факты, факты, отъ которыхъ камни должны были бы вопіять и которые, тѣмъ не менѣе, стали давно привычнымъ шаблономъ.

И мы не можемъ лучше закончить характеристику современнаго

положенія вещей, чѣмъ привести рядъ этихъ фактовъ, чѣмъ напомнить лишній разъ о томъ, къ чему у насъ привыкли и что приходится изъ года въ годъ думской социаль-демократической фракціи снова и снова выносить на трибуну.

Дѣло идетъ о стѣсненіяхъ свободы печати, свободы собраний и союзовъ вообще и рабочей печати, рабочихъ собраний и союзовъ въ особенности.

Объ этихъ стѣсненіяхъ социаль-демократическая фракція говорила въ цѣломъ рядѣ запросовъ, которые одинъ за другимъ погребались октябристами (спѣшно отвергались и запросы хоронились въ комиссіи).

Изъ многочисленныхъ фактовъ, приведенныхъ въ этихъ запросахъ буду выбирать только болѣе яркіе.

Свобода печати. Не буду приводить цифры штрафовъ и конфискацій органовъ рабочей печати. Объ этомъ уже слишкомъ много разъ говорилось. Но мѣстами принимаются и болѣе энергичныя мѣры. Оказывается давленіе на типографіи, печатающія газеты. Такъ, рассказываетъ запросъ соц.-дем. фракціи, когда выходила эстонская рабочая газета „Кійръ“, полиціймейстеръ страдалъ типографіи, застращивалъ отвѣтственныхъ редакторовъ газеты, сотрудники ея подвергались обыскамъ и арестамъ. Еще энергичнѣе дѣйствуютъ въ Петроковской губ. Домбровский отдѣлъ союза металлистовъ затѣялъ періодическое изданіе. Лишь только журналъ сталъ набираться, въ типографіи произведенъ былъ обыскъ, при чемъ весь наборъ и рукописи были забраны, а затѣмъ арестованы владѣлецъ типографіи, наборщикъ, издатель, предсѣдатель союза и одинъ изъ его членовъ и всѣ привлечены по 132 ст. уг. ул. ч. I—за „составленіе преступныхъ сочиненій, распространеніе которыхъ не послѣдовало“.

Рядомъ съ мѣрами, препятствующими выходу въ свѣтъ органовъ рабочей печати, принимаются мѣры, чтобы помѣшать этимъ органамъ доходить до читателей. Объ этомъ краснорѣчиво говоритъ слѣдующее письмо, приведенное въ запросѣ.

Бюро періодической печати.

„Л. В. Плоткинъ и С-ья“.

Екатеринославъ.

13/IX дня 1913 года.

Госпо..... Въ контору „Нов. Раб. Газ.“

М. Г.

Вслѣдствіе сильнаго давленія мѣстной администраціи въ смыслѣ полнаго запрещенія продажи рабочихъ газетъ, мы, къ сожалѣнію, вынуждены были телеграфировать Вамъ о прекращеніи высылки намъ „Нов. Раб. Газ.“.

Или другой фактъ, рассказанный въ письмѣ изъ Самары. У

мастерскимъ, типографіямъ, квартирамъ, производятъ обыскъ, забираютъ остатки непроданныхъ номеровъ газетъ, списокъ должниковъ, которыми получались газеты и дневникъ, въ который онъ записывалъ свой приходъ и расходъ. Самаго рабочаго тащатъ въ Жандармское Управленіе и подвергаютъ тамъ грубому допросу.

Свобода стачекъ. Такъ же, какъ свобода печати, она признана закономъ и также, какъ свобода печати, беззащитно ниспровергается практикой администраціи. О систематическихъ арестахъ „подстрекателей“ къ стачкамъ, конечно, не стоитъ говорить. Слишкомъ уже это обычно. Но этимъ не довольствуются, и аресты часто принимаютъ массовый характеръ. Такъ въ Лодзи, когда служащіе въ трамваѣ, получивши отрицательный отвѣтъ на свои требованія, объявили забастовку, были вызваны полиція и войска.

„Ворота трамвайной станціи оказались запертыми. Двѣ роты казаковъ оцѣпили 334 служащихъ и отвели ихъ въ арестный домъ“.

Или въ Ригѣ во время забастовки въ порту арестовано было 300 человекъ.

Явной насмѣшкой затѣмъ надъ провозглашенной закономъ свободой стачекъ являются постоянные аресты представителей рабочихъ, выбранныхъ ими для переговоровъ съ хозяевами. Такъ, напр. „члены О-ва приказчиковъ мануфактуристовъ Романовъ и Комовъ были арестованы, когда явились для переговоровъ къ Оленеву, въ магазинъ котораго бастовали приказчики.“

„Во время забастовки на фабрику т-ва Эйнемъ былъ выбранъ для переговоровъ делегатъ и былъ поставленъ администраціей срокъ для отвѣта—15 іюня. Но 13 іюня делегатъ Устюшинъ былъ арестованъ и уволенъ, Кромѣ него было арестовано еще двое рабочихъ.“

„Въ Поті арестовано 5 рабочихъ, выбранныхъ для переговоровъ съ хозяевами“.

Въ Москвѣ еще до всякой забастовки были арестованы всѣ представители, выбранные трамвайными служащими для представленія петиціи, и не смотря на то, что слѣдователемъ дѣло о московской забастовкѣ было прекращено, арестованные все таки высланы съ запрещеніемъ селиться въ 57 пунктахъ“.

Выше мы приводили фактъ ареста въ Лодзи 334 трамвайныхъ служащихъ. Но дѣло арестомъ не ограничилось. Послѣ того, какъ они были отведены въ арестный домъ, ихъ начали „выпускать оттуда въ одиночку по одному машинисту съ двумя казаками по бокамъ и по одному кондуктору въ сопровожденіи стражника и заставляли ихъ работать. Такъ удалось привести въ движеніе 50 вагоновъ. Служащіе просили разрѣшенія телеграфировать губернатору, но имъ отказали. Имъ также было отказано въ вызовѣ товарища прокурора, а мѣст-

нымъ газетамъ было запрещено писать объ этомъ“. Дальше, конечно, идти уже некуда.

Другой запросъ, внесенный соц. дем. фракціей по поводу стѣсненія свободы стачекъ, сосредоточивалъ все вниманіе на характерномъ циркулярѣ Департамента Полиціи, разосланномъ градоначальникамъ и губернаторамъ. Циркуляръ этотъ предлагаетъ подчинить полицейскому контролю всякаго рода переговоры рабочихъ съ хозяевами. Онъ предлагаетъ не допускать переговоровъ фабричной администраціи съ рабочими безъ специального полицейскаго разрѣшенія.

Свобода союзовъ. Она оффиціально тоже признана. Законъ 4 марта допускаетъ ее, хотя въ очень урѣзанномъ видѣ, но практика администраціи сводитъ къ нулю и ту маленькую свободу, которая допущена этимъ закономъ. Съ большимъ трудомъ удается добиться самой регистраціи профессиональнаго общества, и по всякимъ поводамъ оно должно опасаться своего закрытія. „За одинъ 1912 г., по неполнымъ газетнымъ свѣдѣніямъ, было закрыто 17 профессиональныхъ обществъ съ числомъ членовъ, не менѣе 15 тысячъ и было 53 случая отказа въ регистраціи“

А когда союзы дѣйствуютъ, ихъ работа парализуется непрерывными полицейскими набѣгами, обысками, арестами. Должностныя лица, выбираемыя союзами, именно какъ таковыя являются для полиціи подозрительными, и надъ ними постоянно виситъ угроза обыска, ареста, высылки. Такъ напр. въ Москвѣ „по распоряженію охраннаго отдѣленія арестованы предсѣдатель московскаго профессиональнаго о-ва рабочихъ печатнаго искусства Гривковъ, товарищъ предсѣдателя Бѣлавинъ, казначей Гудзѣвъ и членъ правленія Антоновъ.

По ордеру охраннаго отдѣленія арестованъ предсѣдатель проф. о-ва рабочихъ мануфактуристовъ Богачевъ.

4 ноября были произведены обыски сразу въ 3-хъ московскихъ союзахъ: мануфактуристовъ, хлѣбопековъ и кожевниковъ. Арестовано было свыше 20 человекъ и въ томъ числѣ секретарь союза мануфактуристовъ Смирновъ, казначей Архипенковъ, секретарь союза хлѣбопековъ Носковъ, секретарь союза кожевниковъ и т. д.“

Такъ обстоитъ дѣла со всѣми „свободами“. И неудивительно, что свободѣ этихъ администрація не желаетъ допускать и въ страховой кампаніи, получившей въ послѣднее время такое развитіе.

Закономъ о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни рабочимъ предоставлено право принимать участіе въ выработкѣ устава предполагаемыхъ къ открытію больничныхъ кассъ и извѣстныя права на участіе въ управленіи таковыми черезъ избираемыхъ рабочими уполномоченныхъ.

Мы видѣли, какъ трактуетъ администрація выборныхъ представителей, выбираемыхъ стачечниками для переговоровъ и должностныхъ

лицъ проф. союзовъ. Естественно, что она не церемонится и съ уполномоченными, выбираемыми рабочими согласно закону о страхованіи.

Такъ въ Харьковѣ 17 ноября арестованы уполномоченные Чистяковъ и Галкинъ.

Въ Подольскѣ арестованы два уполномоченныхъ— братья Тюрюны. Въ Ивановѣ — Вознесенскѣ были арестованы уполномоченные отъ фабрики Грязнова—Воробьевъ, Таковъ и Морозовъ, отъ фабрики Новикова—Новиковъ, отъ фабрики Витова—Шороховъ и т. д., всего 21 человекъ.

Нечего и говорить, что собранія, связанныя съ страховой кампаніей, всячески тормозятся, пресѣкаются и запрещаются. Объ этомъ убѣдительно свидѣтельствовалъ особый запросъ, внесенный соц.-дем. фракціей.

Такова выступившая въ рядѣ запросовъ соц. дем. фракціи мрачная картина отсутствія самыхъ элементарныхъ правъ у рабочихъ, отсутствія всякихъ признаковъ той свободы коалицій, которая нужна пролетариату, какъ воздухъ, безъ которой онъ не можетъ сдѣлать ни одного шага къ улучшенію своего положенія.

Н. Череванинъ.

О Т К Л И К И.

Къ учительскому съѣзду.

(Съ 23 декабря по 4 января 1914 г.).

Среди богатаго урожая предстоящихъ рождественскихъ съѣздовъ и съѣздъ начальныхъ народныхъ учителей, созыаемый въ Петербургѣ Обществомъ Грамотности, надлежитъ, несомнѣнно, выдѣлить на первый планъ. Пятитысячный съѣздъ по вопросамъ первостатейной важности и значенія, съѣздъ представителей той профессіи, которую самъ г. Коквцевъ опредѣлялъ, какъ профессію „нищихъ“ и „паріевъ“ — это слишкомъ крупное явленіе на фонѣ нашей современной жизни. На этомъ съѣздѣ должны заговорить учителя, которые волею судьбы молчали цѣлое полстолѣтіе. Печать молчанія, наложенная на ихъ уста, снимается по крайней мѣрѣ на 10 дней, назначенныхъ для работъ съѣзда, и намъ впервые предстоитъ выслушать голосъ тѣхъ людей, которые лицомъ къ лицу стоятъ съ народной жизнью и „собственнымъ опытомъ“, какъ говоритъ въ своемъ воззваніи **Организаціонный Комитетъ съѣзда**, „ис-

пытали цѣлесообразность той или иной просвѣтительной мѣры“...

Это явленіе чрезвычайно важно и демократія его должна привѣтствовать. Должна привѣтствовать потому, что все, что ведетъ къ *выясненію нуждъ народа*, къ разрѣшенію этихъ нуждъ въ положительномъ смыслѣ, — должно быть горячо ею поддержано. А что съѣздъ дастъ толчокъ къ оживленію и выясненію школьнаго дѣла, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; сомнѣнія могутъ быть только въ самомъ размѣрѣ этого толчка. Кромѣ того, предстоящій съѣздъ имѣетъ еще двѣ замѣчательныхъ стороны.

Первая — это то громадное оживленіе, которое вносить съездъ въ ряды огромной 200-тысячной учительской арміи, тотъ подъемъ духа и настроенія, который разносутъ учителя изъ залъ съѣзда въ глухіе углы, въ разрозненные и жестоко разбитые реакціей учительскіе ряды.

Если вдохнуть въ эти ряды вѣру въ свои силы, вѣру въ свое дѣло — это скажется въ обоихъ направленіяхъ: и въ области чисто учебнаго дѣла, и въ области профессиональ-

ныхъ учительскихъ интересовъ. Такова учительская профессія, что въ ней и то, и другое совершенно не отдѣлимо другъ отъ друга: улучшая постановку школьнаго дѣла, мы улучшаемъ жизнь учителя; улучшая жизнь учителя, мы ведемъ къ подъему самой школы.

Для демократической же Россіи не безразлично, будетъ ли стоять въ классѣ тупой и равнодушный учитель-ремесленникъ, учитель-обыватель или же человѣкъ, который своему дѣлу преданъ и о своемъ дѣлѣ нечетога. Наконецъ, совершенно не безразлично, будетъ ли учительство представлять изъ себя человѣческую пыль, которую крутятъ въ разные стороны „вѣтры буйныя“, или же профессія „нищихъ“ и „паріевъ“ тронется по иной дорогѣ — по дорогѣ профессиональнаго объединенія.

Мы считаемъ, отбрасывая даже всѣ иные мотивы, кромѣ чисто дѣловыхъ, чисто школьныхъ мотивовъ, что то государство, которое заводитъ Министерство Народнаго Просвѣщенія и ставитъ учителей въ положеніе „паріевъ“, лишенныхъ не только профессиональныхъ организацій, но даже простыхъ средствъ общенія между собою, такое государство совѣршаетъ величайшее лицемеріе. Учительское дѣло, какъ медицина, требуетъ постоянного общенія работниковъ между собою, постоянной провѣрки работы одного работою другого. Попробуйте лишить врачей съѣздовъ, совѣщаній, разгромите ихъ организаціи и профессиональную печать и посмотрите, что за десять лѣтъ сдѣлается съ нашей медициной. А учительство 50 лѣтъ стоитъ въ такомъ удивительномъ положеніи!

Глубокаго вниманія заслуживаетъ та картина, которую развернуть учителя на съѣздѣ съ этой стороны, глубокое значеніе будетъ имѣть она для профессиональнаго учительскаго движенія.

Другая замѣчательная сторона — я ее не могу назвать иначе, какъ агрономическимъ терминомъ — сторона *показательная*. Вокругъ народнаго образованія много столпилось самыхъ разнообразныхъ стремленій и поползновеній, не одна рука старается затянуть его въ опредѣленную сторону. Учительскій съѣздъ, который долженъ отразить въ своихъ рѣшеніяхъ голосъ подлинной жизни, мнѣ кажется, внесетъ много ясности въ создавшееся положеніе. Онъ *покажетъ* — кто чего хочетъ, раскроетъ до корня вождедѣнія всѣхъ тѣхъ

силъ, которыя сейчасъ шумятъ такъ сильно у дверей пародной школы.

Народное образованіе есть слишкомъ важный и могучій социальный факторъ и естественно, что всѣ живыя общественныя группы пытаются вліять на него. Насколько крѣпкіе корни въ народѣ имѣютъ эти группы по части школьнаго дѣла, насколько согласуются ихъ проекты съ наклоненіями учителей — это вопросъ чрезвычайной важности и его надлежитъ освѣтить предстоящему съѣзду.

И надо сказать, что даже одинъ призракъ такого освѣщенія неяснаго до сихъ поръ дѣла уже испугалъ дѣлую фалангу „радѣтелей“ народнаго образованія. И „Россія“, и „Колоколъ“, и „Земщина“, и „Русское Чтеніе“ уже дѣлаютъ сейчасъ вокругъ съѣзда разныя диверсіи и заранѣе выдаютъ ему свой патентъ на недоувѣріе. Они предупредительно сомнѣваются — можетъ ли учительскій съѣздъ правильно выяснить народныя нужды по части школы? Они ждутъ...

Ждутъ того, какъ бы съѣздъ не поставилъ ихъ рѣшенія въ рядъ тѣхъ, противъ которыхъ жизнь соорудила огромную частицу отрицанія. Ждутъ и заранѣе готовятся къ атакѣ.

И по тому, какъ будутъ встрѣчать учительскія рѣшенія въ разныхъ кругахъ, намъ будетъ ясно многое, неясное теперь. Этотъ съѣздъ можетъ послужить толчкомъ къ совершенно ясной опредѣленной размежевкѣ различныхъ программъ по народному образованію.

Поэтому и демократія, въ свою очередь, должна внимательно прислушаться къ рѣшеніямъ съѣзда. Народъ есть именно то третье, отсутствующее лицо, о нуждахъ котораго будутъ говорить на съѣздѣ. И хоть близокъ народный учитель къ жизни народа, — но онъ веетъ *консултантъ, свѣдущій челоуекъ, профессионалъ*; онъ будетъ говорить о близкомъ ему, *но не о своемъ дѣлѣ*. О своемъ дѣлѣ могъ бы сказать только народъ, но его не будетъ на съѣздѣ. Поэтому пусть народъ чутко прислушается къ рѣшеніямъ съѣзда.

II Веннулевъ.

Отъ редакціи. Болѣе подробная статья о съѣздѣ учителей будетъ помѣщена въ Январской кн. „Н. З.“ за 1914 г.

Культурно - просвѣтительная дѣятельность кооперативовъ.

Въ Москвѣ въ концѣ октября состоялось совѣщаніе уполномоченныхъ отъ музыкально - драматическихъ кружковъ потребительныхъ обществъ, на которомъ возникъ споръ по вопросу о томъ, *долженъ ли кооперативъ вести культурно-просвѣтительную дѣятельность* и насколько Моск. Союзъ П-ныхъ О-въ долженъ помогать этой работѣ. Прежде чѣмъ формулировать высказанные взгляды по этому вопросу, нѣсколько словъ о предметѣ спора. За послѣдніе годы россійскія п-ныя о-ва усердно занялись культурной работой. Возникла даже особая форма этой работы: *организациі музыкально-драматическихъ кружковъ*. Эти кружки ставятъ театральные представленія, устраиваютъ литературно-музыкальные вечера, дѣтскіе праздники и лекціи. Такихъ кружковъ довольно много. Запросы на нихъ идутъ и со стороны рабочихъ кооперативовъ и со стороны сельскихъ п-ныхъ о-въ. Союзъ потребителей организовалъ даже спеціальную комиссію въ помощь возникшему движенію, ассигновавъ на ея нужды согласно рѣшенія XXVI собранія уполномоченныхъ 500 р. На Кіевской Выставкѣ въ кооперативномъ отдѣлѣ фигурировали экспонаты этой комиссіи. На Кіевскомъ же съѣздѣ была принята опредѣленная резолюція, сущность которой сводилась къ тому, что должны обратить особое вниманіе на общую культурно-просвѣтительную работу и въ частности на кооперативное воспитаніе населенія. На Кіевскомъ же съѣздѣ обнаружилось двѣ точки зрѣнія на культурно - просвѣтительную дѣятельность. Одни стояли за широкую культурную работу и ставили ея одной изъ важнѣйшихъ работъ русской кооперации, другіе отстаивали взглядъ, что кооперация имѣетъ свои собственные задачи и только попутно можетъ заниматься культурно-просвѣтительной дѣятельностью. Послѣ съѣзда культурно - просвѣтительная дѣятельность стала еще шире развиваться и это вызвало необходимость объединить эту работу для чего и организовано было совѣщаніе музыкально - драматическихъ кружковъ. На немъ ставился и вопросъ о роли московскаго союза въ дѣлѣ организациі культурно - просвѣтительной работы. Тутъ также проявились два взгляда на дѣло. Одни считаютъ, что

Союзъ не можетъ вести широкую культурно - просвѣтительную дѣятельность, потому, что этому мѣшаютъ и русскія условія, и недостатокъ специалистовъ по этой работѣ, и разношерстный составъ Союза и, наконецъ, потому, что въ задачи кооперативовъ должна входить кооперативная пропаганда, а не общекультурная работа. Представители Московскаго Союза указывали еще на то, что у Союза и безъ того масса дѣлъ и что Союзъ долженъ быть нейтраленъ, а культурная работа не можетъ вестись безъ направленій. Что же предлагали защитники указанной точки зрѣнія? Они ничего не имѣютъ противъ того, чтобы Союзъ оказывалъ нѣкоторую поддержку скорѣе посредническаго характера, но вести эту работу самъ Союзъ не долженъ. Въ частности высказывалось мнѣніе, что можно было бы субсидировать учрежденія, специально занимающіяся культурной работой, какъ напр., Народные Университеты и т. п. Другая точка зрѣнія, которая защищалась большинствомъ совѣщанія, сводилась къ тому, что кооперативъ долженъ вести культурно-просвѣтительную работу въ широкомъ масштабѣ и что М. Союзъ долженъ вести эту работу на -ряду съ своей торговой дѣятельностью.

Прежде всего, основной вопросъ: должны ли кооперативы вести только кооперативную пропаганду или они могутъ выйти за эти рамки. Мы рѣшаемъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ и вотъ почему. Кооперативы заинтересованы въ поднятіи культурности населенія, какъ и всѣ демократическія организациі. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ общекультурную работу ведутъ какія нибудь учрежденія и организациі, тамъ кооперативы могутъ за нее не тратить силъ. Было бы странно, если бы Англійскіе кооперативы открывали первоначальныя школы, когда тамъ существуетъ обязательное начальное образованіе. Но мы нисколько не удивляемся, что Англійскіе кооперативы открываютъ разныя спеціальныя школы, о которыхъ или совсѣмъ или недостаточно заботятся органы самоуправления и государство. Было бы не странно, если бы англійскіе кооперативы открыли, напр., школу для выработки социалистическаго міровоззрѣнія, такъ какъ этому вопросу въ Англии рабочая партія оказываетъ недостаточное вниманіе. Было бы также странно, если бы рабочіе кооперативы въ Германіи считали для себя общекультурную